

Яна Тейлор

БАНАН

и Сидри

Яна Тейлор

**Банан в Сибири.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Тейлор Я.

Банан в Сибири. Сборник рассказов / Я. Тейлор —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981285-8

«Вот всё есть в Америке, а хочется чего-то душевного!» Таким был отзыв на мой первый рассказ. «Банан в Сибири»: про себя в Америке и про Америку в себе. Душевно. Местечковый колорит, разношёрстность коренных и «понаехавших», эдакое Село Степанчиково и его обитатели на американский лад — всё это в моих историях-поБАСЁнках. Если вы любите смех: обезоруживающий, заразительный, назло, до колик, сквозь слёзы, взрывной, залиvistый, ласковый, бесстыдный — то эта книга для вас!

ISBN 978-5-44-981285-8

© Тейлор Я.
© Издательские решения

Содержание

Жадный Жорж	6
Глава 1.	6
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	14
Глава 5.	17
Глава 6.	20
Глава 7.	22
Глава 8.	24
Глава 9.	26
Глава 10.	30
Глава 11.	33
Глава 12.	36
Глава 13.	39
Глава 14.	42
Глава 15.	45
Ян Сусанина. Приключения переводчицы	49
Глава 1.	49
Глава 2.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Банан в Сибири

Сборник рассказов

Яна Тейлор

Благодарности:

Анастасия Нагорная

Анна Балабанова

© Яна Тейлор, 2020

ISBN 978-5-4498-1285-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я трусила, а вы говорили: «Дерзай!»

Я сомневалась, а вы твердили: «Мы верим!»

Я думала, не справлюсь, вы отвечали: «Мы поможем!»

И вы оказались правы! Вы поверили, а я – дерзнула и справилась! Спасибо вам, моя семья, мои читатели, мои верные друзья, за воплощение мечты!

Наташа, спасибо тебе, ты всегда верила в меня больше, чем я сама.

Ваша «Бананишина».

Жадный Жорж

Глава 1.

Киники и циники

История движется по спирали. И ничему нас не учит. В народе это называется «наступать на те же грабли». Удивительно, какое разнообразие мужчин исторически и цивилизационно предлагается вечно недовольным феминам. Тут тебе и киники, отличные ребята, последовательные: конь есть конь, стол есть стол. Сюрпризов не жди, короче. И физики в почете, и лирики в загоне. Несмотря на мировой закон, встречаются и неандертальцы. Этим ни с кем не перепутаешь: эволюция закрыла глаза. Но, пожалуй, самый интересный подвид – циники. Как узнать циника?

Сидишь, бывало, в кафешке за чашечкой кофе. А он, развалившись вальяжно напротив, задумчиво смотрит вдаль, закуривает небрежно сигарету, с лоском пускает колечки дыма. Молчит со значением. Наконец, глядя пристально в глаза: «Я должен тебе это сказать, должен!» Судорожно дергается кадык (от переживаний, небось!).

– Что? Что? Ну говори же! Я могила твоих откровений!

Нервно затягивается, налицо «надлом»!

– Я ПРОЖЖЕННЫЙ «ЦЫНИК»!

– Да ну?! Ах, не губи мою нежную девичью душу! (Собираю сумочку.) Ну все, я пошла. «ЦЫНИК» в растерянности:

– Ты куда?!

– Подальше от гибели, конечно.

Чудик. Они ж самые безобидные, эти циники. Подыграй такому – с мясом потом не оторвешь. Знаете, кто самые страшные на самом деле? «Я же только ради твоего счастья живу» – вот эти. Жадный Жорж был как раз из них. «Я хочу сделать тебя счастливой. Это цель моей жизни». Господи! Какая удача – это же цель и моей жизни, вот совпадение, да? Мы оба хотим сделать меня счастливой. Скованные одной целью, мы приступили к плану по моему осчастливлению.

Американский ковбой ворвался в мою спонтанную, безалаберную жизнь с готовым планом. Кто согласен, того судьба ведет, кто не согласен – того она тащит. Так говорят стоики, и я стоически приняла дар судьбы. После мучительного разрыва с очередным неадекватом я уехала зализывать раны в Крым. Вернувшись домой, я обнаружила письмо от своей давнишней знакомой, с которой мы вместе учились. Потом она вышла замуж и переехала к мужу в Америку. И мы потерялись. Слегка удивившись печатному стилю (а кто их в Америках разберет? Может, так принято), я читала, как Таня на все лады расхваливала их с Байроном друга, фото прилагается. Они втроем на каком-то фестивале коров. Он-де едет в Киев на экскурсию. В конце Таня подытоживала, что, мол, не будь душой, займись им, Матильда. А то он вполне может стать мужем какой-нибудь удачливой леди. «Надо же, как за граница меняет людей», – подумала я. Только потом до меня дошло, что предприимчивый Жадный Жорж сам его накропал, гугл механически перевел, а Таня подписалась размашистой кириллицей. Судя по дате на конверте, какая-то lucky lady уже обобрала и подогрела. Но я все-таки набрала номер...

Язык до Киева доведет.

Начались месяцы пылающих ушей и многочасовых переговоров.

– Хорош языком молоть, – ворчал маман, – за хлебом бы сходила.

– Что ты понимаешь?! – кричала я, меняя уши на вспотевшей трубке. – Я разговариваю с носителем языка!

– Пусть носитель тогда принесет, о чем можно триндеть часами?!

О чем? Не помню! Было весело и непринужденно. Мой первый звонок застал его перед вылетом из Киева, причем заметно обрадовал «носителя». Что навело на мысль: удачливой леди не случилось. Бесценная практика английского языка, дальше мои планы не шли, поэтому, когда он торжественно объявил о приезде, я даже немного расстроилась.

Я встречала их с Таней в аэропорту (она ждала второго ребенка, лететь одна не решилась, и Жадный Жорж любезно воспользовался поводом сопровождать ее и заодно козырнуть своим великодушием и широкой натурой). Первая вышла Таня, вся зареванная, с распотрошенной бдительными таможенниками сумкой. Она бросилась ко мне, и мы принялись записывать трусы и банки с кофе обратно в сумку. Пока она плакалась, что «отвыкла жить в варварской стране с низкими стандартами», я нетерпеливо перебила ее:

– Ну, где же он?!

– Где кто? – рассеянно глянула она на меня. – А, да вот же...

При виде «носителя языка» мой язык прилип к гортани: жгучий брюнет, с изумрудными прозрачными глазами, в роскошном черном пальто, с ослепительной белоснежной улыбкой (ничего общего с мутной фотографией на коровьем фестивале). «Яна?» – произнес знакомый телефонный голос. Я, в потертом пальтишке, почувствовала себя Золушкой, не переодетой на бал. Как перед Доном Педро неудобно получилось!

Жадный Жорж был моим «университетом». С ним меня ждало много открытий! Первое: я совершенно не владела американским наречием. С его появлением в моем лексиконе появились слова *self-made*, *win-win situation*, *body language*, *to be above head and shoulders*, *lovemap*... Второе: нужно уметь контролировать свой *body language*, особенно когда тебе в подарок привезли кучу книг. Особенно когда они все на тему «Как подчинить Вселенную». (Как?! Ты, учитель зарубежной литературы, не рада книгам?! Что это за *long face*? Недовольное лицо.) Третье: я – суперчеловек! (Поверь мне, Дарлинг! Ты – *above head and shoulders* (что-то типа «дашь фору любому»), ты сможешь, прочитав эти ценные книги, завоевать Вселенную и стать топ-менеджером!) В таких случаях я почему-то чувствовала себя не властелином Вселенной, а шампунем из рекламы *Head & Shoulders*. В конце девяностых еще не были популярны коучи счастья, запросы во Вселенную и карты мечтаний. Но я оказалась как раз его «картой», его *lovemap* – Камерон Диас! О боги! С кем меня только не сравнивали! Надо отдать ему должное! Он действительно был *self-made person*. Рассматривая семейные фотографии, семья сидит за рождественским столом, я приснула со смеху:

– А это еще что за очкарик кривоzubый? Ха-ха!

– Это я, – обиженно протянул Жадный Жорж.

Седьмой ребенок в семье, на него уже денег не хватило. Волосы, зубы, глаза, образование – все пришлось делать самому! Я глянула на него с некоторым даже уважением: если у него получилось сотворить такую метаморфозу – из жука сделать человека (мы Кафку можем сделать былью) – может, он и правда знает, как подчинить Вселенную?

Глава 2. Win-win situation (И волки сыты, и овцы целы!)

Жадный Жорж был жадным до жизни, впечатлений и, что главное, до благодарной аудитории, внимающей с неподдельным восхищением всем его разглагольствованиям о том, «как мы счастливо заживем в Америке». Когда-нибудь, скорее всего в ближайшем будущем, там, не за горами... Дата не уточнялась. Даже в американскую конституцию вносились поправки, с 1787 по 1992 целых двадцать семь штук! Первые десять называются Билль о правах, среди которых есть и право на свободу слова. На все мои поправки в наш общий план по счастливому будущему он налагал вето. И вообще, всячески куксился, дулся и пытался отвертеться, прикрываясь разного рода прописными истинами и клише, коими был напичкан по невозможности!

– Зачем тебе ЕЩЕ одно платье?! У тебя уже есть красное, – вопрошал он страдальчески. (Бургунди и терракота – два разных цвета!) Видимо, план включал в себя определенную смету, а я в нее не вписывалась.

– Как зачем? Хочу!

– Но Дарлинг! Это совершенно безответственно. Мне для тебя ничего не жаль, конечно! Главное, чтобы ты была счастлива, но ты должна доказать, что оно тебе нужно!

– Кому доказать? – спросила я невинно. – Тебе?

– Нет, – смутился Жадный Жорж, – не мне. Себе! – тут же нашелся он. – Задай себе вопрос: смогу ли я прожить без этого платья? Гипотетически.

(Так, в воздухе запахло саморегуляцией и self-discipline. Ну что ж, ты сам напросился.)

– Гипотетически я могу и без тебя прожить. Но ты привносишь в мою жизнь удовольствие, зачем же мне себя этого лишать? (Слышал про гедонизм, упырь?)

Видать, на это у нашего топ-менеджера Вселенной не было заготовленного ответа. Пропустил главу «Что отвечать, когда хотят еще одно платье, в то время как старое не истерлось до дыр». Win-win situation не складывалась! Однако жадность его носила избирательный характер. Вот например, он считал, что готовка на кухне – это абсолютная трата времени и сил. Все мои попыткистряпни строго пресекались. Эти два часа можно потратить с пользой! Почитать книгу. Ой, как это мне подходило! Мы ездили на киевский книжный рынок, «Петровку», где я часами могла выискивать редкие книги в ветхих переплетах. Древние книги, новые платья. Что еще нужно для счастья?

Знамя, усыпанное звездами

– Что читаешь? – поинтересовался он у меня однажды.

– Фицджеральда, «Ночь нежна».

– Зачем?

– Как зачем? Для удовольствия!

Он выглядел озадаченным.

– Ты совершенно не читаешь книг о пользе дела! Книги должны нести информацию! А что нового тебе скажет Фицджеральд?

– Держу пари, ты не знал, что Френсис Скотт Ки (Фицджеральд) получил свое имя в честь родственника по линии отца, автора американского гимна «Знамя, усыпанное звездами».

Шах и мат. Американский патриотизм – безотказный прием. Крыть нечем – дальнейший спор бесполезен. Глаза тут же увлажняются от нахлынувших чувств по Родине. Вообще,

Жадный Жорж был человек сентиментальный и частенько хлюпал носом, рассказывая какую-нибудь романтическую историю из своей жизни. Он упорно называл меня Дарлинг. До скрежета зубов бесил меня этот «Дарлинг» на всех дисках наших путешествий или музыкальных плейлистах CD: «мой Дарлинг Френч Ривьера» либо «мой Дарлинг музыка». (И друзьям не покажешь – засмеют.)

Ну, что поделать. За каждым из нас водится какая-нибудь придурь. Он весь состоял из каких-то настроек и пресетов «как вести себя в той или иной ситуации». Если ты влюблен до безумия, тогда обязательно нужно рука об руку идти по побережью при полной Луне. Потом вдруг остановиться резко (от наплыва чувств) и пристально смотреть глаза в глаза, пришептывая: «О Дарлинг, ты лучшее, что могло случиться в моей жизни!» «Трудно нести бремя супер-человека. А вдруг у меня там тушь в уголке глаза застряла!», – думаю в это время я.

Мне пришло в голову, что однажды Жадный Жорж посмотрел красивый фильм и так проникся, что решил выстроить свою жизнь по такому же сценарию. Он очень расстраивался, когда я не входила в роль, выбиваясь из намеченной канвы. Но я старалась! Будь на моем месте особа похитрее, она могла бы веревки вить, легко предугадывая следующий акт. «Я дарю тебе свое сердце, Дарлинг!» Как не принять? Не отвертись от этого Данко. Пришлось надеть золотое сердечко, на котором были выгравированы наши инициалы, а внутри улыбались крошечные портреты. И я носила его гордо, как знамя, усыпанное звездами!

Глава 3. Обломовы

Дни потянулись похожие друг на друга, как день сурка, в ничегонеделании до полудня и празднотатании по книжным распродажам, музеям, киношкам и блошиным рынкам. Затем мы зависали в кафешке в центре Киева и лениво потягивали коктейли, где я глазела на мимо проходящих людей, а Жадный Жорж гундосил, как завтра мы обязательно начнем жить по-новому! «Необходим режим! Да-да! Вставать рано, гонять на великах с часу до трех: самосовершенствование, в здоровом теле – здоровый дух!» Хр-р-р-р. Но начинался новый день и... Я вставала рано, гоняла на велике, брала с собой краски и ватман, делала зарисовки Днепра, болтала с местными рыбаками про мотыль, возвращалась домой и, пока Совершенная Личность дрыхла, изучала программы компьютерной графики. В два мы как штык на привычном месте: коктейль из нравоучений. Как-де впустую прожигать жизнь – это не для нас, как важно вовремя запустить механизм саморегуляции... бла, бла, бла.

Зима. Крестьянин торжествует. А Жадный Жорж и в ус не дует. Жизнь Обломовых текла по привычному руслу.

– Дарлинг! Скоро твой день рождения, я готовлю сюрприз, но может быть, есть что-то, что сделало бы тебя еще более счастливой?

Маман по телефону напирает: «Шубу, бери норковую шубу! У жены офицера точечные настройки – настоящая женщина должна иметь шубу! Лучше две. И кольцо с бриллиантом! Вот он момент! Если не сейчас...»

– Курсы по компьютерному дизайну! – выпалила я. – Я хочу окончить курсы. Я уже нашла. Полгода – и у меня будет сертификат!

Шагают-шагают по Крещатику!

Жадный Жорж силится улыбнуться:

– Дарлинг, но это не совсем по плану, я купил нам тур в Египет. Курсы могут подождать, правда ведь? – заискивающе заглядывает мне в глаза. – Я ведь только ради твоего счастья стараюсь!

День рождения, Красное море, пирамиды, верблюды! Тепло! А в Киеве минус двадцать три! Мы перебежками добираемся до любимой кафешки.

– Дарлинг, ты совсем продрогла!

(Хорошее начало хорошей беседы про серебристый мех.) Продолжает:

– Я заметил, – заботливо поглаживая локоток, – ты все время мерзнешь! А все почему? «Потому что у меня не было шубы», – мысленно продолжаю я.

– Ты просто не умеешь правильно одеваться! Да! – торжествующе сияет Жадный Жорж. – А я тебе расскажу как! О, это целая наука! (Торопится, ему не терпится поделиться секретом.) Все просто, Дарлинг, все дело в layers! (В слоях.) Сначала надеваешь специальную водолазку! Наверх еще слой из водолазки потолще, затем жилет с начесом и поверх толстовку, все это толстым-толстым слоем водоснеговетронепроницаемой ветровки!

И вишенка на торте – стельки с подогревом! Н-да... Эх, мама, похоже, придется мне донашивать твою шубу.

Невеста Нила.

«А Абдуллу, Абдуллу помнишь?! Ой, ну умора с ним, да?» Мы ввалились в нашу квартиру на Подоле хохоча, заснеженные, румяные, загорелые. Десять дней солнечного рая в середине зимы! Это сейчас в джинсы оделись самые отсталые слои населения, а в девяностых неделя на Красном море в январе – не каждый пацак себе позволит. Почти малиновые штаны и два Ку с приседанием. Кроме того, редкий американец решился бы полезть в раздраженный улей Ближнего Востока. Но у нашего храброго портняжки и тут была припасена хитрость.

– Значок! – хитро подмигнул он мне. – Канадский значок!

(Я буду петь тучкину песню, и пчелы подумают, что я маленькая тучка, а вовсе не медведь.)

Нацепил канадский флаг. Ясно, ты теперь канадец? Клен кудрявый, лист резной.

Было здорово! Мы ездили на экскурсии, катались на верблюдах, забирались на горы, Жадный Жорж умел видеть красоту! С камерой наперевес мы объездили весь Шарм-эль-Шейх, Хургаду и Луксор. Жадный Жорж поднимался ни свет ни заря, чтоб быть первым в гонке за столик с видом на море! Нам прислуживал молоденький парнишка Абдулла, как в невесомости летающий с огромным подносом между столиками и напевающий «Хабиби», прищелкивая тонкими пальцами. Он просек несносный характер «канадца» и старался, как мог, задобрить его, таская мне заменитель сахара с соседних столиков.

Под конец недели Жадный Жорж решил отблагодарить услужливого официанта:

– Я хочу оставить тебе сувенир, Абдулла. Что бы ты хотел?

Абдулла замялся на секунду, глянул на меня исподлобья и выпалил:

– Я бы хотел твою камеру!

Жадный Жорж остолбенело уставился на наглеца, а я, не выдержав, расхохоталась: «Я бы тоже хотела его камеру, давай хотеть вместе, Абдулла!»

Жадный Жорж торжественно снял с себя значок и вручил канадское знамя арабскому парнишке. Тот недоуменно повертел его в руках, а потом, усмехнувшись, бросил на прощание:

– Никакой ты не канадец, мистер, ты – американец!

Грациозно покачивая бедрами, «Хабоби» понес поднос на кухню, по пути выбросив значок на помойку.

В наш последний день мы решили проехаться на яхте по Нилу. Жадный Жорж еще порывался kick his ass (показать, где раки зимуют, по-нашему), но проплывающие мимо красоты поглотили его внимание, он бегал по яхте и щелкал все подряд, а я внимала экскурсоводу, который заученно начитывал лекцию: «У культа Нила была и своя темная сторона. Чтобы задобрить реку и обеспечить себе хороший урожай, каждый год египтяне выбирали красивую девушку и назначали ее „невестой реки“. Избранницу красиво одевали, всячески украшали, затем вывозили на середину течения и сбрасывали в воду, строго следя за тем, чтобы она не смогла выплыть и спастись». На этих словах все дружно уставились на меня. Нет-нет-нет! Меня нельзя, вы мной только раздражите крокодила, а потом, я неказисто одета – у меня даже нет шубы. (Поделилась я с прикорнувшим на солнышке, дремлющим справа толстым немцем.) «Нихт! Нихт!» – засопел он. Вот и я говорю: ни хт шубы у меня. Но все равно мы вернулись домой довольные, полные впечатлений, с тонной фотографий! Жадный Жорж усадил меня на диван прямо в одежде. «Жди меня здесь», – сказал он. «И закрой глаза!» – донеслось с кухни.

Глава 4. Болливуд

Пока я жарилась в «слоях», сидя с закрытыми глазами на диване, прислушиваясь к возне на кухне, из головы не выходило печальное лицо молодой бедуинки, протягивающей мне лепешку, испеченную на верблюжьих шариках. Контакты с туристами в этих «потемкинских» деревнях не приветствуются, но она подошла ко мне, когда я рассматривала колодец, и кивком головы пригласила заглянуть: все дно было завалено обертками от сникерсов и помятыми банками кока-колы. «Открой глаза, – говорил ее молчаливый, полный упрека взгляд, – вот что ваша „цивилизация“ привносит в наш...»

– Открой глаза! Можно уже! Открывай! – Жадный Жорж стоял передо мной с подносом клубники и двумя бокалами красного шампанского. – Дарлинг! Я так счастлив! Пей до дна.

Я пила осторожными глоточками прохладное вино, пузырьки в нос, а он стоял рядом, не сводя с меня глаз, пока я не поперхнулась и, судорожно кашляя, не выплюнула на ладонь странную штуку грязно-желтого цвета, кусок проволоки, что ль? От пробки? Не, кольцо, вряд ли золото (органика на вид, проглоти такое – переварилось бы и вышло без последствий).

– Это что?!

Жадный Жорж торжественно выдохнул:

– ПРЕДЛОЖЕНИЕ!

– Так, – растерянно пробуя кольцо на зуб, – и что ты предлагаешь?

Жадный Жорж уже бил копытом, а до меня все не доходило.

– РУКУ И СЕРДЦЕ!

И это вот обручальное кольцо?! (В американских фильмах все по-другому.)

– А где же камешек?

– Что?! – возопил Жадный Жорж. – Тебя совершенно не волнуют страдания детей Индии?! Знаешь, сколько несчастных крошек потеряли зрение над шлифовкой бриллиантов!

Ну раз дети Индии страдают, придется и мне потерпеть. Лучше б я зрение потеряла. Но жених уже разглагольствовал, как на водах Нила его осеНила блестящая мысль (пора нам покончить с нашим холостым положением, Наденька), посему всенепременно надобно ехать к маменьке за благословением. О боже! Нет-нет, к маменьке ни в коем разе нельзя с этой верблюжьей лепешкой. Маменька – натура, выдержанная преимущественно на девятьсот восемьдесят пятой пробе, плевать она хотела на детей Индии. Верит исключительно в караты.

Но чем больше я сопротивлялась, тем сильнее напирал Ипполит, он, мол, хочет увидеть мою детскую комнату, окунуться в атмосферу...

– Не окунешься, – перебила я этот сладкоречивый поток, – нет никакой детской комнаты, у нас однушка.

В комнате живет госпожа кошка, а маман на кухне, где раньше жила я. Мне совсем не улыбалось ютиться на трех метрах с маман, женихом, безумной колбасной воровкой и одним санузлом. Получив доселе невиданный отпор, Ипполит довел себя до восторга, нафантазировав себе безумные полчища несуществующих поклонников, которые поджидают меня на каждом углу и угрожают расстроить свадьбу. После трех истерик с заламыванием рук и угрозой забрать кольцо он притих и стал грустно смотреть вдаль... Во мне разыгралось привычное «А ты способна на подвиг?». И вот уже мы несемся на экспрессе, с караваемми, навстречу своему счастью.

Едут! Едут!

Силь в пле, гости дорогие, авек плезир. Виданное ли дело – иностранца везут! Маман прошла строгий инструктаж по телефону: не закармливать оладушками, запереть в кладовке кошку, не показывать фотографии, где я сижу на горшке, не хвастать бриллиантами и моим табелем за третий класс. Но главное – симулировать экстаз, а лучше – замереть в безмолвном упоении при виде бесконечного символа любви.

Жадного Жоржа запустили в квартиру как кота. Сразу его повели в «залу», где висел дорогой ковер с давней историей, хрусталь, старинные сервизы и другие атрибуты «хорошей жизни». Жених весь ощерился и стал заглядывать во все углы, как ищейка. «Потерял чего? – спросила взглядом Маман. – Ищет?» Разговор не клеился, маменька не сумела изобразить исступление восторгом, Жадный Жорж тоже заметно скис. «Дарлинг, – прошептал мне он, – а не совершить ли нам променад?»

Как только мы вышли во двор, он накинулся на меня с упреками, как, мол, так, ни одной нашей фотографии, где доказательства его присутствия в моей жизни?! Кто ж знал, что у американцев принято заводить иконостас. Да, сейчас в каждом доме я вижу стены, увешанные фотографиями кузенов, дядюшек, тетюшек, невест, женихов, детей, внучатных племянников. Где мы храним фотографии? Конечно, в альбомах! Я попыталась отшутиться, но не тут-то было! Он все зудел и зудел, как я задела его чувства, как это *deeply hurts*, как он никто и ничто в моей жизни. Он достал меня так, что я прошипела: «Послушай, Ипполит, даже моему ангельскому терпению приходит конец, да-да, похоже, мы не созданы друг для друга. Уже поздно, а завтра я посажу тебя на поезд и...»

Мы зашли в квартиру, где моя мудрая мама (и как только сообразила!) разложила все наши фотографии на диване, на ковре, на столе. Жадный Жорж рассмеялся с облегчением. Тут он потянул носом, учуяв жаркое. «Дарлинг, пройдемте в столовую!» Смешной! Ну, пройдемте. И я привела его на балкончик, где стояла плита и еле вмещались два стула.

– Это что?! – пролепетал Жадный Жорж, оглядывая с ужасом «столовую».

– Что-что? Трапезная наша, затрапезная.

У него сразу же сентиментально увлажнился нос... Ужин прошел весело! Гостю решили отдать большую комнату, мы с мамой разложили тахту на кухне. Только я расположилась поудобнее выслушать лекцию о соотношении меди и серебра в сплавах, подобных моему недоумению на безымянном пальце, как вдруг раздалось странное бульканье, затем все завывало как на болотах Баскервилей. О нет! Только не это!

3. Ситуация #911

Кто-то сверху уже разбудил силу энергетических потоков, тектонические плиты зашевелились, вой в трубах усилился. Перепуганные, стояли мы с маман, уставившись на унитаз. Что-то там крякнуло, отрыгнуло, и вот поток магнетической субстанции... э... ну, того самого, вы понимаете (из серии «верблюжьих шариков»), канонадой запулил из Везувия фонтаном до потолка!

Потоку людской фантазии можно подивиться. Чем только караван из восьми верхних этажей не умудрился засорить канализацию! Полцарства за сантехника в субботнюю ночь! Да, щас!

– Маман, – закомандовала я, – срочно в кладовку за старыми полотенцами!

На наши крики прибежал жених, от увиденного у него случился нервический припадок:

– Яна, звони немедленно 911! Звони 911, – орал он и беспорядочно бегал в кальсонах из комнаты на кухню с ошалелыми глазами. Маман тем временем кинула мне полотенца, но забыла про кошку! Кошка, измученная заточением, с радостью ввязалась в игру и стала нападать из-за угла, целясь в голые лодыжки Жадного Жоржа. Тот неистово вопил свое «Найн ван ван!». Вот чего не хватает типичному американцу, так это смекалки! Клянусь, посади

самого успешного из них в наш чернозем девяностых (электричества нет, воды нет, полезных ископаемых нет, только вот компост из толчка), захирел бы моментально. Пока эта оголтелая котовасия носилась шерстяным комком впережку с английскими ругательствами, я успела сгонять на стройку, стащила оттуда огромный блок-кирпич, который мы обернули в слой полотенца и заткнули зловонный булькающий вулкан. Биомасса повалила наверх по стояку!

Отодрав кошку от Жадного Жоржа, я крикнула маме:

– Уничтожай улики, а я займусь женихом!

Надо было срочно принимать меры, квартира наша находилась прямо над рестораном местного крутика, там, как назло, в этот злосчастный вечер проходил банкет. Музыка играла вовсю, грохотал топот ног и хохот гостей в хмельном угаре. Как вдруг все смолкло. Это не предвещало ничего хорошего! Зато соседи наверху забегали. Пора доставать винтовку деда. Будем держать оборону с двух фронтов! Жадный Жорж трясся как осиновый лист, наблюдая за моими манипуляциями.

– Послушай, – схватила я его за плечи, – мне надо тебя спрятать, понимаешь?! Лезь в шкаф и сиди там тихо, ни на что не реагируй!

– Дарлинг, Дарлинг.

Он был уже в полуобморочном состоянии, послушный и квелый, на все готовый. Раздался звонок, потом кто-то стал колошматить в двери, я взлохматила брови грозно, вдохнула глубоко и открыла, любезно улыбаясь. Витасик, хозяин ресторана, с налитыми кровью глазами, ввалился в квартиру и приступил прямо к делу:

– Я тебя либо убью, либо спалю хату! (Сосед сверху мгновенно ретировался.) У меня двести голов сидят, к чему мне все это дерьмо?!

– К деньгам, – брякнула я. Не подумав. Потому что руки мясника мгновенно оторвали меня от пола, маман стала грозить милицией, в шкафу усилилась возня.

– Кто там? – настороженно поинтересовался Витасик.

– Во-первых, опусти меня на пол.

Приземлившись, я, набрав воздуха в легкие, выдала речь:

– Спалить хату не выход: наверху еще восемь таких, твое поголовье будет регулярно хлебать... э... нечистоты. Легче нанять бригаду сантехников и починить канализацию! Во-вторых... (В шкафу затарахтело.)

– Да кто там? – рявкнул Витасик.

– Иностранная делегация, – с достоинством ответила я, – да-да, представитель ООН. Не исключено, что мы будем жаловаться!

Вечер переставал быть томным. В конце концов Витасик свалил, гости разъехались, сосед дал телефон знакомого сантехника. «Представитель» вылез из бомбоубежища.

– Ну что, окунулся? В атмосферу.

– Дарлинг, – взмолился он, – поедem скорее домой!

В поезде вымотанный Жалкий Жорж прикорнул у меня на плече, изредка вкидывался, жалобно всхлипывая, дергал ногой, сбрасывая невидимую кошку.

– Ну, будя-будя, – тихонечко утихомиривала я. – It's ok. It's ok. Ш-ш-ш-ш-ш... Як диты, ей богу.

Глава 5. Old habits die hard! (Старого пса новым трюкам не обучишь!)

К хорошему быстро привыкаешь. Получив маменькино благословение, мы вернулись в нашу просторную квартиру на Подоле с явной переоценкой ценностей. Жадный Жорж поглядывал на меня и на новенький унитаз с некоторым даже благоговением. Я, усмирившая «бурление говн», заслуживала моральной компенсации. Он явно что-то обдумывал!

– Нет! Готовить на балконе в мороз – атавизм! Так жить нельзя! – восклицал он.

– Нет, нельзя, – говорила я.

– Твоей маме нужна микроволновка!

– Да, – говорила я, – нужна.

– И еще ей нужна новая стиральная машина-автомат! Выжимать белье на балконе – атавизм, – выговаривал он.

– Атавизм, – поддакивала я.

– Ну, как там зятек? В гости больше не просится? – с издевкой интересовалась маман по телефону.

– Не-а, просится привнести в твою жизнь немного цивилизации.

– В каком виде?

– В виде микроволновки и стиральной машины.

– Скажи ему, – захихикала мама, – что я возьму шубой.

– Да? Ты будешь на балконе в норковой шубе печь лепешки, БЯдуинка? Бери цивилизацией! Цивилизация выходит дешевле, а норковая шуба – атавизм! – смеялась я.

Впрочем, мы-то с ней как раз так и жили: впроголодь, зато в нарядах. Жадный Жорж жадничал на наряды, но улучшить быт было для него полезной инвестицией. Вот она – разница менталитетов! Здесь, в Америке, я много раз убеждалась, что самые богатые люди могут одеваться нарочито просто (мягко говоря), зато вкладывать в хороший дом и дорогую машину. Но старого пса новым трюкам не обучишь, уже восемь лет я живу в США, а дурь не выбьешь. Я отказалась от дорогой машины, но у меня сто пятьдесят четыре коллекции платьев – хоть консервируй. Old habits die hard!

Оказалось, что быть «помолвленной» не так уж и страшно! В принципе, ничего не изменилось. Кроме того, что я стала носить три кольца! Мама долго дулась на меня за то, что я упорно не решалась вдруг потерять кольцо, и придумала трюк: мы прикрыли страшное кольцо двумя красивыми, как прячут прослойку из дешевого джема в бисквитном торте. На изумление Жадного Жоржа я честно ответила: чтоб вдруг не потерялось!

– Дарлинг, твоя мама такая nice lady! (А то! Хорошо, что я не переводила и половину того, что леди болтала за обедом.) Тебе понравится моя мама, – добавил он.

Тэ-э-экс... Точно! У него же тоже есть мама. О маме я знала только то, что она была замужем за военным морским котиком. Папа Жадного Жоржа приезжал на побывку раз в год, а потом уплывал на остальные девять месяцев. И так семь раз. Поэтому в семье было семь детей, Жадный Жорж предпоследний. Мама переживала, что все дети обзавелись семьями, кроме предпоследнего, поэтому известие о нашей помолвке взволновало ее до глубины души. Она так благодарила по телефону, так бурно радовалась, что наводило на некоторые подозрения. В конце разговора она добавила: «Прошу тебя, не бросай его, держись! А МЫ ТЕБЕ ВСЕ ПОМОЖЕМ!»

Червь сомнения только поднял голову – что значит «МЫ ПОМОЖЕМ»? – но тут трубку перехватил папа. «Дарлинг, – зашептал Жадный Жорж, прикрывая трубку, – сейчас папа тебе

исполнит старинный русский романс „Очи черные“, он ужасно гордится, что знает эту вашу песню!»

И папа запел: «ОЧИ ЧОРНЫЯ! ОЧИ ГУЧЧИЯ! ЧУЧА ЧУ ЧИЯ! ЧА ЧА ЧУЧИЯ!» Подавляя в себе беззвучный смех, я слушала, как американский котик с другого конца света пытается понравиться русской невестке. Это было очень трогательно и очень долго. Я похлопала в конце «сюрпризу».

– Это не все, – загадочно покосился на меня Жадный Жорж, – есть еще сюрприз!

– Как не все?! Еще сюрпризы?

– Дарлинг, ты теперь моя невеста, я хочу подарить тебе мечту! В какой стране ты всегда мечтала побывать? (У меня забилось сердце, неужели, неужели... Во Франции!)

– Я всегда хотела побывать во Франции, ты знаешь, там ведь есть музей...

Жадный Жорж замер в полуулыбке:

– А в Турции? Не мечтала?

– Ну, – задумалась я, – тоже, конечно, но во Франции, там есть такой музей...

– А ты подумай хорошенько, – перебил меня жених, – в Турции наверняка же хотела побывать, да? Скажи да!

Сюрприз! Мы едем в Турцию.

Как-то сразу все не задалось в Турции. Наверное, потому что исполнялась не моя мечта. Нас отвезли в шикарнейший отель, оформили, дали ключи и... повезли дальше. В какое-то бунгало.

– Ну, уютненько, – сказала я, начиная распаковывать чемоданы.

– Дарлинг, жди меня здесь, – прошипел Жадный Жорж и ринулся обратно в отель. Туда съезжались какие-то VIP-people в черных костюмах на чрезвычайно важную конференцию, поэтому все лучшие номера с видом на море были заняты. Я попробовала было уговорить Жадного Жоржа, что, мол, и здесь очень даже неплохо, стоит ли хлопотать. Тот возопил неожиданно резко: – Ты теперь должна избавиться от комплекса низких стандартов! Жить в Америке – требовать лучшего!

И вернулся с ключами от лучшего номера. Не знаю, чем он там пригрозил, санкциями или ядерными боеголовками, но нас стали обслуживать на цыпочках с тихой ненавистью в глазах.

Рано-ранехонько я вскочила с предвкушением полюбоваться видом и чашечкой кофе, как невероятная боль пронзила электрическим током от самых цыпочек до темечка: кое-кто оставил свой громадный чемодан с железной обивкой прямо на месте моих шлепанец. «Ах ты ж, БЛ***! ОЧИ ЧУ ЧИЯ! МАТИЧУЧИЯ!» – исполнила я старинный русский романс из междометий, прыгая на одной ноге. От моих истошных воплей Жадный Жорж чуть не упал с кровати. Мы в ужасе наблюдали, как моя несчастная конечность превращается на глазах в слоновью ногу. «Дарлинг, – лепетал он, – я не нарочно!»

Мы помчались в больницу, где мне сделали рентген и наложили временный гипс. Хорошенькое начало! Съездили на курорт! Жадный Жорж рассматривал мою новую гипсовую ногу с интересом – рождался план. Открыв глаза следующим утром, я обнаружила кресло-коляску рядом с кроватью. Жадный Жорж сиял:

– Я достал ее с немалым трудом, – заявил он торжествующе. (Мне стало стыдно, все-таки ничто человеческое ему не чуждо. Он способен на сострадание!)

Иллюзии испарились через полчаса, когда Жадный Жорж занял удачный старт первым в гонке на завтрак:

– Пропустите инвалида! Внимание! – орал он. – Инвалид в коляске! Побере-е-егись!

И гнал кресло на полной скорости сквозь толпу, прям к самому лучшему столику. Люди рассыпались в стороны; простофили, замешкавшиеся и не успевшие отскочить в сторону, получили удар в печень моей вытянутой гипсовой ногой.

Я сгорала от стыда, чувствуя накал ненависти от всего обслуживающего персонала до самого маленького постояльца. О турецкие отели, о кухня в турецких отелях! Система all inclusive! Впихнуть невпихуемое – миссия невыполнима. Но он справлялся. (Честно говоря, я тоже не отставала.) Более того, обойдя с тарелкой все доступные виду и брюху яства, он умудрялся заглатывать все это с невероятной скоростью.

– Зачем ты так торопишься?! Мы же никуда не спешим.

– В большой семье не хлопай клювом, – прожевывая, объяснял Жадный Жорж. – У нас за столом замешкаешься – ничего не достанется! А я был младшим.

Old habits die hard! (Горбатого могила, как говорится.)

Глава 6. Хэви легс

Чтобы сохранить себе здоровые ноги, я сама занялась распаковкой «железного феликса». Разбирая чемодан Жадного Жоржа, я раздумывала о своей судьбинушке-тунеядке. Сколько можно разъезжать? Непонятно, к чему это все ведет. Не то чтобы я хотела в Америку, скорее наоборот. Меня устраивало, что мы живем в Киеве, что я могу в любой момент увидеть маму. Но невозможно же так все время жить, ничем не занимаясь. От поездки до поездки. Чай, не шестнадцать.

Вдохнув, я отодвинула стопку с носками и вдруг... Маленькая изящная коробочка с золотистой каймой! Сердце забилось в радостном предвкушении: а если там обручальное кольцо?! Если он просто проверял мои чувства подставным, а там лежит и ждет красивое, настоящее?! Не вытерпев, я открыла коробочку – там лежало точно такое же сердечко на золотой цепочке, которое носила я. Что-то липкое, нехорошее зашевелилось внутри.

Так он меня и застал: с двумя сердечками в руках. Я вопросительно посмотрела на него, Жадный Жорж потупил глаза: это маме. О, маме! Ну да, он же младшенький, а у младшеньких особая связь. Кроме того, моя мама считает, это хороший знак. Если человек любит маму, значит, и жену будет любить. Жизнь показала, что это никак не связано. Но на тот момент у меня потеплело на сердце.

– Дарлинг, ты из-за этого сердечка весь день грустная? Молчишь с тех пор, как мы вернулись из Турции.

Я колебалась: сказать? не сказать? Решено!

– Понимаешь, меня угнетает наше безделье, мы живем как сибариты, по инерции, куда не движемся.

Жадный Жорж занервничал:

– Я думал, ты любишь путешествия. А когда, как не сейчас, пожить для себя? Потом, когда пойдут дети...

– Дети?! – Я аж подскочила. – Как эти дети появятся, если я то пакуюсь, то распаковываю?! Где эти дети появятся? Если «сейчас мы не можем поехать в Хьюстон, потому что там очень жарко», а завтра «мы не можем оставаться в Киеве, потому что очень холодно»!

– Дарлинг, так ты несчастна?! Я все делаю для твоего счастья, а ты вечно недовольна.

Глаза его обиженно увлажнились.

(Нет, я больше на этот трюк не куплюсь!)

– Знаешь, что я думаю? – Меня переполняла злость. – Тебе просто нужна компания для путешествий! – выпалила я.

– А вот и нет! А вот и нет! – кричал Жадный Жорж. – Это ты не умеешь быть счастливой! Ты неблагодарная, перечишь мне, вечно возражаешь! Ты совершенно не *submissive*, как была моя невеста...

– Тэ-э-э-экс... Интересно-интересно, – сказала я, усаживаясь по-турецки в кресле, – продолжай, так у тебя была невеста?

– Да, была невеста! – Жадный Жорж вне себя от возмущения бегал по раскиданным стопкам одежды. – Была невеста до тебя, хорошая, податливая девочка, сладкий сахар! Всегда всем довольна! Всегда улыбалась, ничего не просила, со всем соглашалась! – орал он. Я, скрепив руки, наблюдала за истерикой.

– И что? Что случилось с твоей идеальной невестой? Где она сейчас?

Он внезапно остановился.

– Ничего не случилось. Просто у нее были HEAVY LEGS! (Грузные ноги!)

Ничего не поняла!

– И что? Ну и что?

– А то, – с раздражением бросил Жадный Жорж, – хэви легс – это плохая генетика! Хэви легс – значит, располнеет с возрастом. Хэви легс дети унаследуют. Хэви легс – я не захочу ее однажды...

– Мама дорогая! Так ты бросил девочку только из-за полных ног?!

– Я же мужчина, – огрызнулся сердитый жених.

Меня уже душил истерический хохот.

– Так мы, значит, вместе из-за моих ног?! А если я растолстею, ты найдешь себе новые, худые?

– **ТЫ НЕ РАСТОЛСТЕЕШЬ!** – серьезно сказал он. – У тебя отличные гены. Характер плохой, а метаболизм отменный.

Я не знала, смеяться мне или плакать...

С другой стороны, пресет-то сломался! Настройки полетели! Наверное, впервые в жизни Жадный Жорж был откровенен со мной. С собой. Даже если эта откровенность так неприглядна, все лучше чем «Дарлинг – head and shoulders above».

Мы не разговаривали два дня. Жадный Жорж дулся по углам. «Неблагодарная обжора с отменным метаболизмом» тоже кисла в растерянности: как же быть дальше? В конце концов он не выдержал.

– Дарлинг, – понуро покосился он на меня, – хочешь, купим книгу тебе?

Хитрец. Кто ж откажется от книги? Мы поехали на «Петровку», я отключилась полностью. Книжки! Копалась, смеясь переговариваясь с продавцами, в стопках книг, листала, принималась к запаху новой типографской краски, осторожно прикасалась к ветхим переплетам...

Забыла про все на свете! Расплачиваясь за новый томик Фицджеральда, я словила на себе чей-то назойливый взгляд. Миловидная девушка стояла столбом, уставившись на меня во все глаза. Я улыбнулась ей вежливо, мол, книгу, что ль, хочешь мою? Любишь Фицджеральда, да? Тут она внезапно подскочила ко мне, вдруг рванула на себя золотое сердечко с моей шеи, чуть не придушив меня цепочкой.

– **ЭТО МОЕ!** Это принадлежит мне! – в сердцах воскликнула она, сорвала и бросила ее оземь. И, закрыв руками лицо, побежала прочь. Жадный Жорж, бледный как смерть, смотрел ошарашенно ей вслед. (Кажется, она не Фицджеральда любит.)

Хэви легс...

Как же тебе повезло, моей невесте...

Глава 7. Ночь нежна

– Смотри-ка, хэви легс, а бегают быстро, – процедила я вспотевшему господину Голохвостому. На весь Крещатик осрамил! Не за ваши магазины я шла! Жадный Жорж вздохнул, встрепенулся, поднял разорванную цепочку, и мы помчались наперегонки домой. Я собирать чемоданы, а он – конечно же, останавливать меня и молить о пощаде.

Ворвавшись в квартиру, мы ринулись по разным углам, я на антресоль, а он – за камерой. Видео хочет сделать с моим уходом?! Ошарашенная, я стояла с раскрытым чемоданом и по инерции кидала туда своих Фицджеральдов, наблюдая, как Жадный Жорж с камерой, ноутбуком и моим сердечком наперевес носится беспорядочно по квартире, близкий к припадку падучей. Наконец его ошалелый взгляд остановился на мне: «Где оно, где?» Я все еще не понимала.

– Necklace?!

– Да вон же, у тебя в руках! Ты его держишь!

– Нет, другое!

– А-а-а-а... «мамочкино». Ты почему их брал? За трешку ведро?

Он залез в комод, взял коробочку и молча ушел в офис. Меня разбирало любопытство: что он задумал? Рвет нашу помолвку и забирает «драгоценности», как с той? Статуя тоже несчастная женщина, она графа любит!

Я тихонько приоткрыла дверь: он сидел за компьютером и высылал фотографию с двумя сердечками своей хэви легс.

– Ага, – торжествующе взвизгнула я, – давай, так и напиши ей, гулял, мол, с мамой по «Петровке»! «Мамино» сердечко!

Жадный Жорж умоляюще посмотрел на меня:

– Дарлинг, она должна знать, что это было не ее!

– ДА КАКАЯ РАЗНИЦА! – заорала я уже в исступлении. – Ей от этого не будет легче! Сколько нас, таких «мам», по Киеву ходит? Ты и письма «от Тани» под копирку писал, небось?! (Замигал быстро.) Точно! Писал... Ну, это уже переходит всяческие границы!

Я заперлась в спальне, упаковала нехитрый свой скарб, книги: пытаюсь открыться, а он меня запер с другой стороны.

Я, как Паша Строганова, обхватив чемодан, разогналась: «Побе-е-ерегись!» – и шмякнулась кулем. Добротная дверь. Слезы хлынули от бессилия и злости, я, опустившись на чемодан, прислонилась спиной к двери. Слышу, он там в щель дышит.

– Дарлинг, я прошу тебя, не уезжай. Ты лучшее, что со мной могло произойти. You are my love, my life, my sense.

И давай опять про свой head and shoulders шарманку крутить. Эх, двинуть бы ему Скоттом Ки!

– Хорош причитать по бумажке, – прошипела я в замочную скважину, – хоть бы раз заговорил по-человечески!

И он заговорил, тихо, без пафоса и ужимок. Говорил долго, объяснял, всхлипывал, просил дать последний шанс, призывал: «Ты хоть переспи с этой мыслью...» – и я уснула. Прямо на чемоданах. Видать, таки судьба моя: паковать – распаковывать.

Ночь нежна. Так и отпечаталось на моем лице. Всю ночь в обнимку с любимым. Писателем. Проснулась, смотрю: под дверь просунута брошюра «Туры во Францию». Аж сердце затепалось! Открываю дверь – завтрак готов, цветы в вазах, сидит напомаженный, с камерой опять. Опустошенная, сил нет уже на препирательства, потащилась я на кухню за кофе.

Дарлинг! Прощу тебя, не уезжай!

– Дарлинг, – голосочек дрожит, – я всю ночь думал, я не могу тебя отпустить, я не представляю уже своей жизни без тебя. Подожди! Не прерывай! Ты хочешь семью? Давай, подадим документы сейчас же. Детей? (Сейчас же.) Ты хочешь работу? Компьютерные курсы? Я найду! Я устрою! Ты хотела поехать во Францию? В какой-то музей, да? Поехали! Сейчас же! Я сделаю ВСЕ, как ты хочешь. Только прошу тебя, не уезжай.

Я теребила брошюрку, почему-то вспоминая слова мамы Жадного Жоржа «мы тебе все поможем». Как вдруг мой взгляд наткнулся на иллюстрацию о выставке работ в Ницце, в Музее современного искусства. Ники де Сен-Фалль! Жадный Жорж перехватил мой восторженный взгляд и поднажал:

- Ты ведь никогда не была в Париже!
- В Ницце! Мы поедем в Ниццу, – сказала я.
- Да, но Дарлинг, ведь в Париже...

Мой испепеляющий взгляд прервал его на полуслове. Ок. Ницца так Ницца.

Ну, кто первый кинет в меня камнем? Весь день мы изучали сайт с визами, заполняли документы, фотографировали меня на анкету в американское посольство с ухом – без уха, профиль – анфас. Замучалась. Про себя я думала, что оформление в Техас займет месяцев шесть, а там посмотрим. Жадный Жорж дрожал от восторга, не веря своему счастью, всматривался в меня, ожидая подвоха. День прошел в сумасшедшей беготне по инстанциям, документы поданы, в агентстве заказан сказочный тур по Лазурному Берегу. И вот, совершенно обалдевший и измотанный, Пьер Безухов лежит в постели и, уставившись в потолок (пока Жадный Жорж за компьютером весь в изучении карт и маршрутов), предается мечтаниям, упиваясь внезапной властью.

Ницца, Канны, Сен-Тропе, музеи, выставки, вкус французской булки, Ника де Сен-Фалль, могила Герцена. Но самое главное – я увижу свою любимую подругу Ленку. Летим через Москву, куда она приедет повидаться на день. После многолетней разлуки. Как встретит меня вожаделенная, истосковавшаяся Родина, как встретит меня такая долгожданная Ленка?

В Москве нас сразу обокрали. А вот Ленка не подвела!

Глава 8. Москва, Москва, деточка...

В Москве нас в первый же день ограбили. А Ленка не подкачала. Мы остановились в гостинице «Россия» (да-да, той самой, с зажигательной репутацией и шикарным видом на Васильевский собор). Пока мы разгуливали по Красной Площади, из нашего номера увели камеру, денег стянули немного, ибо весь «банк» Жадный Жорж носил в специально прикрепленной подтяжке в брючине. К моему удивлению, он не слишком расстроился, позвонил куда надо, добился страховки; потирая ручки, заявил, что ему возместят еще более модерновой моделью. Не могу ручаться, но возможно, и к сносу гостиницы он приложил свои проворные ручки. Я предвкушала встречу с Ленкой. Мы дружили с пятого класса, три раза в неделю Ленчик шла в музыкалку и по дороге забегала ко мне, я лезла в тайник маман, доставала французскую косметику, расписывала Марфушеньку во всевозможные блески и перламутр, поливала «Черной магией» – вуаля, человек готов к роялю! Часами мы вели душевные беседы! «Представляешь, – говорила я, – мы вот сейчас с тобой болтаем, а в это время где-то сидит наш будущий муж и... пьет чай!» Потрясенные глубиной этой мудрой мысли, мы замолкали в мечтаниях.

Пределы мечтаний у нас разнились.

– Вот я выйду замуж только за миллионера, – говорила наша подруга Маринка. (И вышла!)

– Да-да, я тоже либо олигарх, либо фирмач, – вторили мы с девчонками.

Крайняк – кооператор. Пигалицы!

– А я по любви, – потупив глаза, говорила Ленка.

– Как по любви?! А если дворник?! Что, за дворника выйдешь?

– За дворника выйду, – упрямо твердила моя козерожка. Когда распалась империя и нас раскидало по внезапно образовавшимся новым странам, два раза в месяц я получала пухлый конверт, испещренный точным каллиграфическим почерком. «А вот верю, Яночка, верю, что в моей жизни будет принц!» Наивности образчик, усмехалась я, порывая с очередным неадекватом. Принцы в наши края не захаживают, думала я. Но как штык. Два раза в месяц: так, мол, и так – жду принца.

Поэтому, получив очередной «роман», я со вздохом приготовилась к сто пятьдесят четвертому воздушному замку: «Дорогая Яночка, – писала Ленка, – пришел принц! Он забирает меня в Америку!»

ТАК НЕ БЫВАЕТ!

Оседая на диван, произнесла я вслух. (Бывает-бывает, захихикал омерзительно внутренний голосочек, только не у тебя.) Ленка вышла замуж за шикарного парня, физика-ядерщика, умницу и красавца, сама преобразилась до неузнаваемости. Но все это потом.

А в 2002, после десятилетней разлуки, мое сердце щемило от нежности предстоящей встречи. Жадный Жорж бросал озадаченные взгляды на мою ликующую физию.

– Послушай, пойми, – увещевала я ревнивца, – мы не виделись столько лет. Готовься, будем трещать по-русски.

– Что ты, что ты, Darling! Я теперь не тот, что прежде, я – новый Жорж! Увидишь, я теперь совсем другой.

А я все чаще замечаю-ю-ю, что меня как будто кто-то подменил. И не узнать меня. И не узнать меня.

Краем глаза я следила за обновленным Жоржем. Забавно! Но он тоже готовился к встрече. Вертелся перед зеркалом, вырвал пару волосиков из уха. Заготовил кучу брошюр, фотографий. Изучал маршруты, карту метро и местные достопримечательности. Бубнил под

нос «Из пункта А в пункт Б». Ожидая Ленку, мы прогуливались по Тверской, кое-что Жадный Жорж не учел, и кривая судьбы вывела нас к пункту В. Books! Огромный магазин книг! Потом я отбила челом памятнику Островского. В конце концов, я так часто таскаю цитаты из «Бесприданницы», что уже чувствую себя его приемной дочерью, Ларисой Дмитриевной. И вот наконец! Шагает навстречу моя ненаглядная юность! Нас переполняла щенячья радость, мы смеялись, обнимались, вглядывались друг в друга, не веря в счастье провести вместе целый день. Так, обнявшись, и побрели по Арбату, перебивая друг друга воспоминаниями и нехитрыми новостями. А сзади кисло плелся обновленный Жорж.

Светило яркое солнце, волны людей, музыка буддистов, снующие туда-сюда дети. А мы плыли на своей волне детства, Жадный Жорж пытался забегать вперед, совал нам карты, мы лениво отмахивались. «Чой-то с ним?» – спрашивала взглядом Ленка. «А, мучается оптимизацией», – отвечала я. Обновленный Жорж терпел, сцепив зубы, но старый Жорж просачивался из всех щелей.

– Дарлинг, смотри, так будет короче. Мы можем сесть на метро и...

– Я не хочу на метро. Вот это пункт А – Арбат, я не хочу никуда прибывать, я хочу пребывать в пункте А и бродить куда глаза глядят.

Ленка улыбалась, не понимая.

Он смиренно вздохнул:

– А не желают ли леди совершить вояж по Москве-реке?

Леди желали. (Жадный Жорж питал необыкновенную слабость к яхтам-пароходам.) На пароходике мы нашли укромное местечко и уединились с Ленкой: «Ну вот, а я ему такая... а он мне такой, а я ему, а он мне...»

– Дарлинг!

– Да что ж, бл***, такое! Дашь ты нам поговорить, упырь?! – вырвалось из меня на роденьком. Ленка едва сдерживалась, Жадный Жорж улыбался, не понимая.

– Дарлинг, иди сюда, – выкуковал Жадный Жорж с кормы. Я еле оторвалась от Ленки: ну что там?!

– Смотри, Дарлинг, водичка какая! Сверкает, мокренькая.

– Ага, хорошая водичка. Милый, она через час уезжает, дай нам договорить.

– Ты совсем обо мне не думаешь, – обиженно протянул он.

Но я уже не слушала, пробираясь через сиденья назад, к Ленке, в 1994 год. У нас еще целых восемь лет не обговорено! «А он ей тогда... а она вся такая...» Иногда я бросала взгляды вокруг, Жадный Жорж фотографировал мимо проплывающие красоты, Петра Первого, кремлевскую стену, маленькую девочку, сбежавшую с ревом от его пикабу.

Вечером я все еще перебирала в памяти наш разговор, милое Ленкино лицо маячило перед глазами. Осоловевшая, полная впечатлений и воспоминаний, я решила подлизаться к Жадному Жоржу, все-таки я провела почти целый день форменной эгоисткой: ну, что ты там снимал? Показывай, хвались! Мы уселись рядом за компьютер и... улыбка моя замерла. О, что это были за снимки! Меня он еще пощадил, но на Ленке оторвался. Тут я смогла разглядеть и все содержимое своего носа, и пересчитать все свои и Ленкины пломбы, полюбоваться, как элегантно я вытаскиваю кисляк из глаза, чешу коленку, зеваю во весь рот...

– Рада? – еле сдерживая мстительное торжество, ухмыльнулся он. – Это тебе подарок. На память о любимой подруге.

Р. S. «Эффект Церетели» – как с помощью одного сооружения испортить настроение в десятиллионном городе.

Глава 9. Увидеть Париж и... умереть?

Тысяча чертей! Я во Франции! Вот она какая. Французы кругом, смешные такие, на своем лопочут «же сви лю лю», песня поется. Перед входом в отель сидит тоже из «ихних», скрестив ноги, в черных очках. Я пыхчу, втаскивая чемодан, он протягивает руку. О, та самая французская галантность! «Мадам, же не манж па сис жур!» Ах ты ж, гасконец! Или работай, детина такая!

Номер размером с гробик, настоящая каморка Папы Карло. Но ничего. Зато в центре, и вид хороший. После Турции я научилась прыгать через чемодан. На лбу Жадного Жоржа залегла недовольная морщина. (It's claustrophobic!) Того и гляди побежит требовать лучший номер. А мне не терпелось скорее пойти осмотреться и перекусить. Мы вышли из отеля, вечерело, теплый воздух, мягкая музыка неслась из всех уголков, смеющиеся лица гурьбой проплывали мимо. Кот Базилио сидел на своем «доходном месте». Я гордо прошествовала мимо, задрав нос, а он приспустил очки и подмигнул. Вот каналья!

Сердце пело! Не верилось, что я здесь. Жадный Жорж не особо веселился – Лазурный Берег не берег турецкий. Я тараторила без умолку, восхищалась, впитывала, поела глазами. Вот еще бы поесть! Французская кухня, любимая самыми требовательными гурманами, как известно, весьма изысканная: киш, луковый суп, рататуй. Пройдясь туда-сюда по Английскому бульвару, мы зашли в ресторанчик. Официант с чалмой на голове молча смотрел на нас и ничего не спрашивал.

А меню-то все на французском, вуаля! Как же там было в мультике? Гарсон, пуазон! Все мои познания. Гарсон, пуазон, силь ву пле! Грассируя, как мне показалось, вполне удачно, заказала я рыбу. Он и ухом не повел.

– Этот тюрбан ни черта не слышит, – прошептала я через стол Жадному Жоржу, пока тот с испариной на лбу не вынырнул из меню.

– Так, пошли отсюда! – Жадный Жорж взволнованно схватил меня под руку и поволок к выходу.

– Ты видела? Нет, ну это ты видела? – побелевшими губами шипел он.

– Что видела? Что, официант, да? Странный такой бородач, на террориста похож, да? – волновалась я на бегу.

– ФИЛЕ ЦЕЛЫХ двадцать два евро!!! It's a rip off! It's a rip off! (Караул! Грабеж!) – возмущенно клокотал Жадный Жорж.

– А, ну да. Дороговато, конечно, – согласилась я.

– Дарлинг, давай поищем другое место?

– Давай!

И мы стали искать. Пробежали галопом пол-Ниццы. И каждый раз, усаживаясь за столик, Киса Воробьянинов восклицал: «Однако! Грабеж! Обдираловка!» – и мы мчались на выход.

– Слушай, – просиял Жадный Жорж, – а давай как в молодости! Помнишь, можно было на булку прожить весь день, будучи студентом.

Перед глазами возникла с тоской извечная кефирная лепешка.

Похоже, из всего задуманного сбудется только хруст французской булки.

Казус белли

Через пару дней я уже не могла смотреть на багеты. Мы истоптали Ниццу вдоль и поперек в поисках куска мяса по киевским ценам. По-прежнему приходилось поедать глазами. Мечталось о котлете по-киевски, а то так ведь недалеко и до могилы Герцена. Ноги изнывали

от ходьбы, я все чаще посматривала на трамвай, похожий на французскую булку. Это не голодные галлюцинации, это метафора Рубиной.

Но не хлебом единым. Я же так МЕЧТАЛА попасть в музей, посетить могилу Герцена. А завтра как раз русская группа туда и собиралась. Похоже, Жадный Жорж тоже был не ахти каким студентом. Булки стали поперек горла, и мы нашли быстро с салатами. У Жадного Жоржа была такая манера ухватить меня через стол за руку и нежно тереть ее весь ужин, пришепывая слова любви. В Турции и Киеве, где самый лучший ужин укладывался в двадцать два доллара, я могла вполне наесться и одной рукой. Совсем другое дело делить салат с одним яйцом и тремя оливками, «сплестясь ветвями».

Гаргантюа vs Пантагрюэль. Сцепившись в битве за яйцо, он одной клешней орудовал так ловко, как бы я и двумя не сумела. Так мы перекачивали это яйцо по тарелке, как Том Сойер дохлого жука, с его на мою территорию. (Внутри налипала «Марсельеза».) Годы тренировок за столом с шестью братьями дали о себе знать. Я в сердцах отбросила вилку. Не в силах больше давиться листьями, я молча наблюдала, как в топку ушло яйцо и три оливки. Назревал казус белли. А в моем белли уже раздавался вой, почище собаки Баскервилей на болотах!

– Завтра мы едем в Монако, – причмокивая довольно, объявил он.

– Как? Я же говорила тебе, что завтра группа едет на кладбище Шато. Я хотела поехать с ними на экскурсию! Могила Герцена!

Жадный Жорж улыбнулся:

– Ну какое кладбище, Дарлинг? Я уже купил билеты, деньги не вернуть.

– Merde! («Вот дерьмо!» по-французски.)

Клянусь вам, это не я, это выругался мой пустой желудок.

Тысяча чертей!!! Я в Франции!

– Дарлинг, в Монако столько яхт! Ты еще не видела столько яхт в своей жизни. Только ради твоего же...

На этих словах я, не видя ничего перед собой, выбежала на вечернюю набережную. И ходила, ходила весь вечер среди счастливых парочек, веселых компаний, красивых стариков на скамейках. Мне казалось, все ели мне назло.

Становилось совсем поздно, я поплелась в отель. Не хотелось подниматься вверх. Я смотрела на окошко, в котором горел свет, сидя на скамеечке напротив.

– Ашанте, – мягко произнес мужской голос. «Гасконец» присел рядом. Я вывернула пустые карманы: сама же не манж па сис жур, развела я руками.

– Ноу проблем, ля променад? – махнул он рукой на набережную. Я молча продемонстрировала мозоль на ноге.

– Ун момэнт! – воскликнул он, побежал за угол и минут через пять подъехал на кабриолете. Ничего себе профессиональный нищий!

Я усмехнулась:

– Но-но, сэ импосибле. (И как только по-французски вдруг заговорила?)

– Ту мизарабль, – он кивнул на окошко, – бойфренд?

– Ага, инфант терриБля.

Оревуар, как говорится. И побрела в номер. Тихонько открыла дверь, в душе шумела вода. На кровати валялись кусочки разорванных билетов в Монако.

Глава 10. Сын сердца

– Дарлинг, объясни, что ты будешь делать на этом кладбище? – стонал Жадный Жорж, пока я собирала нехитрые пожитки на экскурсию.

– Думать о вечном. Я там буду думать о вечном.

(А еще обещали сэндвич с тунцом.)

– И кто вообще такой этот герцог, зачем тебе его могила?

– О! Во-первых, не герцог, а Герцен. Это отец русской революции. Родословная идет еще от Андрея Кобылы. Тот, что из московских бояр, предок дома Романовых. (Потомки – Семен Жеребец, Саша Елка и Федор Кошка.) Ты бы знал, как бедняге не везло с самого рождения! Отец не захотел дать свою фамилию и записал его выдуманной «сын сердца» (от немецкого Herz). Здесь, в Ницце, его жена влюбилась в лучшего друга и предала, мать и глухой сын погибли в кораблекрушении по дороге в Ниццу, потом в родах умерла жена, потом новорожденный сын, потом близняшки от другой жены умирают от дифтерита, и взрослая дочь заканчивает жизнь самоубийством в семнадцать лет. Еще и я не приду на могилу?!

Жадный Жорж остолбенело смотрел на меня во все глаза.

– И где ты всего этого нахваталась?

– Как же? – горделиво подбоченившись, прихвастнула я. – А кто у нас учитель зарубежной литературы?

Жадный Жорж закатил глаза:

– Самая бесполезная профессия в Америке – на три копейки. И что ты на них купишь, Дарлинг? – издевательски спросил он.

– Три копейки, – голос мой зазвенел, – но мои три копейки. И я могу на них купить яйцо в салате, например.

Он вспыхнул, но сделал вид, что не понял, о чем я.

– А кроме того, на кладбище Шато похоронены и «полезные» люди: основатель марки «Мерседес» Эмиль Еллинек и автор «Призрака Оперы» Гастон Леру.

Кладбище Шато – невероятно живописное место, со спокойной энергетикой приятной грусти. Так как у меня не было камеры, у нас сто пятьдесят четыре снимка яхт и ни одного кадра с кладбища. Я ходила между могил как по музею. Большая часть мемориалов была оформлена в стиле неоклассицизма. Часто встречалась стилизация под древнегреческие или римские саркофаги. Интересные скульптурные детали на надгробных камнях, указующий перст или рукопожатие мужской и женской руки как символ единения. Керамические цветы на крестах, так необычно! Морские узлы, ритуальность портового города, скрепляют колонны на надгробиях.

«Кто виноват и что делать?» – думалось мне. Виновата я сама. А вот что делать? Завязывать и рвать. Я так запуталась в этой паутине игры, фальши, призрачных надежд, что потеряла себя. Мне надо найти себя, обрести себя прежнюю. Какая я? Сейчас я голодная и злая, а была? Эх, бывшее и думы. Взять себя в руки, совладать с эмоциями, не дать вовлечь в очередную иллюзию. Уехать тихо, без выяснения отношений. Да!

Герцену опять не повезло – не встретились мы. Да и сама чуть не потерялась. С моим топографическим кретинизмом удивительно, что я вообще нашла дорогу к автобусу. А там, из десяти человек вернулись три. Анжелика, наш гид, причитала: «Каждый год одно и то же, одно и то же!» Водитель ворчал, что нет времени на поиски. Куда они растворились? Исчезли среди могил. В подполье ушли, думала я. И чем их там кормят? Тьфу ты! Раба желудка.

Войдя в номер, я обнаружила Жадного Жоржа за компьютером, он наснимал невероятное количество яхт и видов набережной, что ж – красиво!

– Траур закончен? – спросил он меня улыбаясь. – Собирайся, едем в Монако!

Мы спустились вниз на лифте, заплаканная Анжелика приклеивала дрожащими пальцами объявление на доску: «Товарищи, не путайте эмиграцию с туризмом! Вернитесь в коллектив!» Надо было уходить вместе с ними, мелькнула у меня шальная мысль. Как ни странно, внутренне я успокоилась, видимо, от принятого решения. А вот ноги гудели после трех часов ходьбы.

Монако! Это ли не рай, когда ты сыт и весел! Как можно впасть в депрессию в самом счастливом и желанном уголке земного шара? Можно. Недаром по одной из гипотез название «Монако» означает «порт одинокого Геракла», так и вижу его, уставшего и очень одинокого. Сидит и чешет набухшую мозоль копьём. Поди обойди это карликовое государство даже самыми длинными ногами, когда столько холмов и возвышенностей, на которые тебя тащат за шкурку за шикарным фото «поцелуй с видом».

Я все старалась присаживаться, где могла. Увиливала от ступенек и мостов, нарушала слаженную картину мира: мы с любимой, загон на Гран-при Монако, кто первый доберется до кафе, получит мороженое. «Нет, – твердо сказала я, – посижу в парке, а мороженое бери себе». Жадный Жорж нахмурился. Игрушка никак не заводилась. Он поплелся за мороженым, а я сидела отмороженная, вот она мечта.

Заливистый женский смех зазвенел как колокольчик, по аллее плыла парочка, молодая женщина игриво заглядывала в лицо своему спутнику, а тот смеялся, ребячески запрокидывая голову назад. Белокурая тонкокостная бестия, похожа на Грейс Келли, я залюбовалась. Интересно, где похоронена «мисс высшее общество»? Нервно покручивая пластиковое колечко на пальце, я думала о скромном «колечке дружбы», которое подарил принц Реньё своей невесте на обручение, только перед самой свадьбой Грейс получила настоящее шикарное кольцо от «Картье» с изумрудами. А еще она была бездарным водителем. Как и я. Была ли ты счастлива, Грейс? Положить головокружительную карьеру к ногам любимого? Стоило ли оно того? Может, сидела вот на этой самой скамеечке и дулась на принца. Где теперь сижу я, чувствуя себя инородным телом с кривоватой улыбкой Гуинплена. Эх, мне предстояло отыграть последний спектакль.

– Дарлинг!..

Нет, голод не тетка. Голод – дядька, и пирожок он поднесет, да. Принес вместо мороженого очередной круассан. Что-то такое есть в воздухе Франции, раз здесь рождаются революции. Назревала революционная ситуация, когда верхи не могут – низы не хотят.

– Мерси, – процедила я, – не хочу мучное.

– Ты такая же неблагодарная, как мой отец! Я купил им билеты в Париж на годовщину свадьбы, – жаловался Жадный Жорж, – повесил на холодильник с одним условием: получите, если выучите компьютер. Мотивация!

Я смотрела в сторону:

– Ну и что же сказал твой отец?

– Сказал, он сказал... – Жадный Жорж от обиды перестал жевать пирожок. – «Засунь их себе в одно место!»

– Молодец! – брякнула я.

Не подвел морской котик, эх не подвел. Силен старик.

– Дарлинг? Что ты такое говоришь?!

Не рой себе могилу, отчаянно суфлерил внутренний голос. Но декабристы уже разбудили Герцена. Дарлинг было не остановить! Посыпались апрельские тезисы.

– Подарок – это дар, – вопила я, – это делается безвозмездно! Без условий! Чтобы доставить удовольствие! Твоим родителям под девяносто лет, какая к черту мотивация?! Неужели они не заслужили поездку в Париж просто так? Без унижения быть поучаемыми младшим сыном. Ты вообще умеешь слышать? Я говорю тебе: «Дай мне хлеба!» А ты: «Накормите ее пирожными». Я хочу домой!

Бунт «желтых жилетов». Да, хреновая из меня Сара Бернар. Жадный Жорж смотрел на меня, глаза его сузились от гнева: лилльский палач. Клянусь, была бы рядом гильотина... Эх, «сын сердца» не задумался бы ни на минуту!

Глава 11. Blame the dress!

Утро в «Мадриде». Мы в лобби отеля пьем кофе – всего два дня, два дня осталось. А я нигде не была. Невидимое копыто било под столом, в том поединке своеволий... кто был охотник, кто – добыча?

– Удовольствие, – протянул мой тореро, – ты хочешь что-то для своего удовольствия. А ты знаешь, что приносит больше всего удовольствия?

– Что?

– Звук собственного имени. Хочешь завоевать расположение человека – почаще называй его по имени, – назидательно поучал меня торедор, размахивая красной тряпкой.

– Поэтому ты всегда меня называешь Дарлинг? – усмехнулась я, прихлебывая из крохотной чашечки. Жадный Жорж осекся. (Быков перед корридой запаивают, чтобы двигались медленней и матадору было удобнее нанести удар в межреберную часть. Может, миф?)

– We are going in circles, Яна.

(Бегаем по кругу, думала я, точно, как по арене, где специально нет углов, чтоб бык не забился в них.)

– Ты слышишь, что я тебе говорю?!

Жадный Жорж выдернул меня из корриды тоскливых размышлений.

– Я думал над твоими словами, – сказал он в ответ на мой недоверчивый взгляд, – я хочу, чтобы ты запомнила этот день, день удовольствия для тебя.

– Правда?! – просияла я. Жадный Жорж положил на стол museum pass на целый день! – С одним условием, – остановил он мое ликование. – Последний день мы проведем в круизе на яхте.

– Да! Да! Да!

Ника де Сен-Фалль подарила более ста семидесяти работ Музею современного и новейшего искусства. Художница удивительной судьбы! Травму детства она тоже лечила смехотерапией, ее скульптуры огромных пышек с маленькими головами, которые она называла «наны» («бабенки», в переводе с французского), вызывают улыбку своей жизнеутверждающей наивной радостью, нелепыми позами, яркими красками Гауди. Господи! Неужели я все это увижу воочию! Туда-то я и полетела на крыльях. Пока их не обрезали. Не успели мы войти в музей, как небольшая компания отбившихся от экскурсии итальянцев, тараторивших и жестикулирующих в стиле черно-белых комедий Марио Моничелли, вдруг разом перестала галдеть, уставившись на меня. Поравнявшись с ними (а я шла глаза в пол, так как Жадный Жорж сжимал мое запястье), один «челентана» причмокнул громко, другие зачирикали «беллиссима, беллиссима», прицокивая языками мне вслед. К величайшей ярости быка...

– Это дизреспект, – шипел Жадный Жорж побелевшими губами, пытаюсь развернуться и показать им средний палец.

– Наоборот, – увещевала я, – это ж итальянцы. Они ж так устроены. При виде мало-мальски привлекательной женщины нужно проявить респект, мол, видим тебя, ценим, голубушка. Чтoб ей не было обидно. У них так принято. Старая итальянская традиция.

– Традиция?! – завопил Жадный Жорж. – Это все твое платье! Your dress comes before you!

– Куда, прости, мое платье идет?! – не поняла я.

– Твое платье с оголенным плечом, оно действует на мужчин как триггер. Тебе давно пора переменить привычки, ты теперь моя невеста, нечего выставляться! (Карандышев – Лариса Огудалова, сцена пятая, цыганский табор'с, вот что было'с!)

Эх, поколение Алисы Селезневой меня поймет, этот оранжевый сарафанчик с голыми плечиками и торчащими ключицами сводил с ума мальчишек всего Союза. Где-то этот образ отложился и в моем подсознании страстью к платьям с одним плечом.

– Ты никогда не говорил мне, что тебе не нравится, как я одеваюсь. И вообще, не в платье дело.

– Нет, в платье! В платье! – настаивал Жадный Жорж в бешенстве.

– Хорошо, – сказала я ледяным голосом, – давай пари. Мы едем в отель, я переодеваюсь во что-то другое, и мы посмотрим. Спорим на хороший ужин!

Сказано – сделано. Попытка номер два: я еду в музей в юбке в пол и «бабушкинской» кофте.

Наш человек в гаване.

Буржуа или хулиганка? Ники де Сен-Фалль двадцатипятилетней девчонкой встретила своего Жана, творческий союз двух талантливых людей подарил нам сад Радости, море радости, вообще-то! Она работала над этим проектом до самой смерти. Ее грудастые наны украшают парки и здания Италии, Германии, Америки, но, пожалуй, самое грандиозное творение этой пары – фонтан Стравинского в Центре Помпиду в Париже. Где мне так никогда и не побывать. Я стою перед огромным портретом Ники, утонченное лицо с большими печальными глазами – как же она хороша! Модель, художница, скульптор, писательница, мать, жена, муза! Красивая, яркая жизнь, которую она посвятила любимому делу, от которого же и умерла. Токсичные вещества в красках потихоньку травили легкие.

Так же, как и токсичные отношения потихоньку вытравливают собственное «я», и блекнут желания. Нет, не раскисну! Сегодня мой день, и ничто не сможет испортить мне настроение! Жадный Жорж нетерпеливо поглядывал на меня у выхода. Я засемила к нему как японская гейша. Чертова юбка, узкая, стесняет движения, а у меня впереди еще три музея.

Никого.

Здрав дурацкую юбку, я прошагала в первый зал с экспозициями Шагала. Музей небольшой, всего три зала. Сюжеты в основном на библейскую тематику. Витражи и мозаики потрясающие! Первый зал в холодных, синих и изумрудных, тонах, как раз в тон моей голубой «бабушкинской» кофте. Я одна шаркаю бабушкой по пустым залам, рассматривая гравюры и литографии, Жадный Жорж сидит на скамеечке и изучает круизы на завтра, выискивая оптимальные маршруты и скидки.

В отблеске стеклянной двери на меня вытаращилась старуха Изергиль в мешковатой кофтенке. Интересно, какой я стану старухой? Наверное, такой сухопарой, с седыми космами, острым клювом, прямая как стиральная доска. Я втянула щеки, собрала все лицо в гармошку, ссутулилась, кхе-кхе, скорчив старческую гримасу, прошепелявила *back in my days* своему отражению. В спину кто-то захохотал, от неожиданности я сиганула в красный зал и приняла там самую что ни на есть созерцательную позу.

Похоже, я все-таки была не одна, молодой человек в кремовых холщовых штанах и рубашке зашел в красный зал. (Приятно, когда мужчина одет с такой изящной небрежностью.)

– Наш человек? – произнес приятный баритон по-русски, с едва заметным акцентом. Обращиваюсь: «холщовые штаны», улыбаясь, смотрят на меня.

– По-моему, из Витебска, – вежливо отвечаю я.

Он хохочет:

– Я не про Шагала!

– А! Это вы обо мне? Я – наш человек, да.

Мы беседуем о Франции, о музеях, об эмиграции. Олег, так зовут моего нового знакомого, живет в Ницце уже десять лет и... Тут я замечаю боковым зрением, как Жадный Жорж несется к нам на всех парах с перекошенным от злости лицом.

– Иж-ж-ж-жвините! – шипит он на русском, закрывая меня собой, как музейный экспонат. – Это моя невеста!

Мне так стыдно, хочется провалиться под землю. Мой собеседник, понимающе улыбаясь, отступает.

– У вас хороший вкус, – говорит он Жадному Жоржу, – поздравляю!

Ноздри Жадного Жоржа трепещут, он смотрит вслед удаляющемуся молодому человеку, презрительно кривя губы:

– Эти европейцы! Лишь бы пыль в глаза, все show off! Еще и в штанах таких, хлыщ! Марки и непрактичные! А ты, – накинулся он на меня, – зачем заговариваешь с первым встречным?! Он что, не видит кольца? В Америке мужчина никогда не подойдет к женщине с кольцом.

Я вздыхаю:

– Это последний русский, шевалье! Не такие уж мы и разные. Марк Шагал, кстати, рос в семье с семью детьми, и ему тоже не хватило денег на образование. А с тебя ужин!

И все-таки – что ж это было?

Чего так хочется и жаль?

Так и не знаю: победила ль?

Побеждена ль?

Глава 12. Вояж, вояж...

Железяк, железик, железон! Вуаяж, вуаяж!

Миль пардон, дорогие мадемузели, но именно так я слышу. «Вуаяж» оказался вполне приятным, даже без особой нервотрепки. Трепач был занят. Трепач был счастлив. Пароходик проплыл по всему Лазурному Берегу. Жадный Жорж, трепеща ноздрями от наплывших чувств, щелкал камерой пришвартованные яхты.

– А знаешь ли ты, – мечтательно начала повествование я, – что сердце французского Прованса облюбовали великие художники: Матисс, Боннар, Синьяк, Дерен...

– Зато теперь, – протирая маленький бинокль, язвительно заметил Жадный Жорж, – великие американцы раскупают французское сердце по кусочкам, видишь, вон там вилла Тины Тернер, а дальше Бреда Питта и Анджелины Джоли, а дальше этого, как его... – Он сморщил лоб, пытаясь вспомнить имя.

– Великого американца Романа Абрамовича? – услужливо подсказала я. (Хе-хе.)

– Нет, Джека Николсона, – процедил сквозь зубы «великий американец».

Кораблик следовал по маршруту Ницца – Канн – Сен-Рафаэль – Сен-Тропе. Мы останавливались в каждом городке на час, вполне достаточно, чтобы осмотреть достопримечательности и поглазеть на народ. В Каннах, как водится, я спустилась по красной дорожке, картинно раскланялась с публикой под хохот Жадного Жоржа, потом мы побрели по побережью. Погода была просто чудесная, солнце ярко светило в глаза, я словила себя на мысли, что с удовольствием повалялась бы с отдыхающими ящерками на солнечном пляже. Но Жадный Жорж считал это пустой тратой времени, да и времени-то не было.

Поднимаясь по трапу на палубу, больше всего я предвкушала пресловутый Сен-Тропе, воспетый французским кинематографом (именно здесь Роже Вадим сделал знаменитой Бриджит Бардо, сняв в главной роли в шедевре «И Бог создал женщину»). Еще больше я предвкушала предстоящий ужин. Где он будет? И что выбрать: рыбу или мясо? Красное или белое? Ишь, разлакомилась.

Я уж начала волноваться, Жадный Жорж особо не упоминал про свой долг чести. Но пари есть пари.

– Когда мы прибываем в Ниццу, затемно, небось? Можно было бы в Сен-Тропе отужинать, – деловито откашлялась я. – После ужина хорошо бы пройтись, полюбоваться на яхты. Можем не успеть...

– Я ПОМНЮ! – выпалил внезапно Жадный Жорж. Но мгновенно взял себя в руки. – Дарлинг, – вкрадчиво начал он, – ты понимаешь, что у меня принципы? Виданное ли дело – переплачивать за кусочек мяса?!

– А я вот беспринципная, я б поела, – жалостливо проскулила я. На меня напал нервический смех. – Мы можем пойти на операцию «Немыслимое» и заложить мое кольцо!

– Дарлинг, в Америке за такие деньги можно накормить семью! – негодовал он.

– Так что, мы поедем в следующий раз только в Америке?!

– Нет, в Италии.

Чего-о-о-о?!

Sur le Gange ou l'Amazone,
Chez les blacks, chez les sikhs, chez les jaunes,
Voyage, voyage!
(Неполиткорректный текст.)

Разъелся Трофим – не прибавить ли дробин!

Легенда гласит, что город Сен-Тропе получил свое название в честь великомученика Трофима, казненного во времена гонений на христиан, лодку с его телом, собакой и петухом прибило к берегам. Я же сидела прибитая новостью. Италия! Что угодно, в другую страну готов уехать, лишь бы не переплатить.

– Почему Италия? Ты уже запланировал следующий трип?

– Нет, – простодушно объяснил Жадный Жорж, – я прогуглил цены, и там вполне сносно можно пообедать. Больше ни пенни не оставлю этим лягушатникам, – зло пропыхтел он. – Поедем и поедим в Сан-Ремо, дорогуша!

Есть такой эффект завышенных ожиданий, так бывает, когда расхваливают тебе книгу изо всех сил, а ты начинаешь читать, и не идет. Другое дело, когда обнаруживаешь находку сам. Таким приятным открытием для меня оказался городок Сен-Рафаель, уютный, компактный, с жужжащим разноцветным базарчиком из сувениров и разных стекляшек на небольшой площади. Сен-Тропе особо не впечатлил. Хотя, может, это я от голода придираюсь.

Вечерний экспресс на всех парах несся с нами в Италию. Я надела красивое черное платье, бретельки-спагетти. Меня, возможно, ждут спагетти, тефтельки и феличита. Сан-Ремо прочно укрепился в моей памяти мезальянсом Альбано и Ромины, а что в нашей жизни не *mésalliance*? Все мы в той или иной степени не равны друг другу.

Жадный Жорж шел по намеченному маршруту в трагторию, которую нашел в интернете. *Mia Bella* была под завязку, нас ожидали два места на углу, друг напротив друга, за широким деревянным столом-скамьей, покрытым веселенькой скатеркой в красную клеточку.

Мне принесли бокал белого вина, пока Жадный Жорж изучал цены, я заказала рыбий хвостик и френч фрайз на гарнир. Тарахтела тарантелла, вино быстро ударило в голову. Настроение поднялось, и я оглядывала игриво соседей по столу: две итальянские семьи, мал-мала меньше, у каждого по огромной пицце. Даже у малыша на высоком стульчике.

Жадный Жорж взял себе вина и какой-то недорогой аппетайзер, явно надеясь пастись на моей тарелке. О благословенные итальянские столы! Мне принесли блюдо, полное жареной картошки. Жадный Жорж, умильно осклабившись, попробовал было протянуть клешню, да не дотянулся. Меня разбирал мстительный смех, частица черта в нас, я медленно накалывала картофельную стружку и, нагло улыбаясь, ела прям в лицо несчастного великомученика Трофима.

Он дергался, пыжился, но слишком широк был стол. Счастливое урчание наполнило наконец мой несчастный желудок. Снизошла благодать и всепрощение. Наевшись, я милостиво метнула свою тарелку жениху, оглядываясь в поисках объекта для флирта, пока он лопал. Мы засиделись допоздна, красивый худощавый итальянец подметал пол:

– Эй, – пьяненько икнув, засмеялась я, – нельзя меня обметывать! Еще и на углу! Я, похоже, замуж и так не выйду, а вы усугубляете!

Он мягко улыбнулся, пожав плечами. Жадный Жорж оторвался от тарелки, но меня уже было не остановить. Шальное безрассудство бродило по мне пузырьками игристого:

– Чего, ик, смотришь? Мезальянс? Нельзя с дворниками заговаривать невесте такого важного господина! А-ха-ха-ха, прям распирает! (В глубине души писклявый голосочек ныл: «Только представь, как завтра тебе влетит!») А нам все равно! Косим мы траву!

Нам приносят по бокалу вина, белого и красного. Жадный Жорж начинает пузыриться, что, мы мол, не заказывали. Но подходит «дворник» и говорит мне: «*Per Mia Bella*», тут же озираясь на Жадного Жоржа. «*It's on a house!*» (За счет заведения!)

Энцо, так зовут симпатягу, оказывается, хозяин ресторана. Я правда никогда не видела, чтоб хозяин убирал пол сам.

В Жадном Жорже борются алчность и ревность. В итоге мы втроем распиваем по третьему бокалу, щебечем каждый на своем, но мне приятно нравится, приятно, что на меня не жалко бутылку дорогого хорошего вина, что у итальянца горят глаза. Я ведь когда-нибудь еще смогу быть счастливой! Точно буду!

Felicità,

Un bicchiere di vino

Con un panino.

(Счастье – бокал вина с кусочком хлебца.)

Глава 13. Пон-Неф

– Ты довольна?

(Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?)

– О да! Очень!

Мы подскакиваем на задних сиденьях в такси по дороге в аэропорт Шарль-де-Голль. Жадный Жорж нащупывает мою руку. Нежно поглаживая ладошку, заглядывает умильно в глаза:

– А если б можно было что-то изменить, что бы ты изменила?

(«Не отвечай! Не отвечай! – шипит мой внутренний голос. – Ловушка, это ловушка!») Я смотрю на него, глаза лучатся добротой и щемящей искренностью...

– Все понравилось, – осторожно отвечаю я.

– Да ладно? – напирает Жадный Жорж. – Скажем, дали б тебе еще денек, что бы ты сделала по-другому? Ну наверняка, что-то ты бы сделала по-другому, правда?

Он мнет ладошку, я мнусь:

– Ну, может быть, один денек просто на пляже поваля...

– Ага! – вскрикнул Жадный Жорж, отбрасывая мою пятерню. – Я так и знал! Так и знал, ты неблагодарная, ничему не радуешься, вечно кислое лицо, всю поездку мне испортила!

– Зачем ты тогда меня спрашиваешь? Какого черта ты затеваешь ссору именно сейчас?

Таксист внимательно смотрел в зеркало заднего вида.

– Смотрите на дорогу, – вырвалось у меня, и потекли злые слезы. Господи, скорее домой! Жадный Жорж, набрав воздуха в легкие, выдал мне целую тираду не сбившись. Видать, долго репетировал.

– Ты только и делала, что противоречила мне! Я к твоим ногам все! А ты! Презлым за предоброе отплатила! Не понимаешь ни принципов моих, ни намерений! Я твое солнце, а ты мое пятно. Я подарил тебе мечту, а ты и тут нашла изъясн!

На этих словах я чуть не подпрыгнула, Остапа понесло:

– Какую мечту? Да я как будто и во Франции не побывала! Один день провела так, как хотела! Ты понимаешь, каково это – быть в вечной зависимости от тебя, твоих планов, твоих денег, твоего настроения? Ты же дергаешь за веревочки, тебе же нравится, что мне нечем ответить. Ты этой зависимостью упиваешься.

Меня еще долго колотило, и нервный водопад из эмоций фонтанировал, извергался слезами и обидой, пока внутри все не опустело. Внезапно. Жадный Жорж достал камеру.

– Сейчас я сфотографирую твое злое лицо на память, – сказал он ядовито. Я отвернулась и всю дорогу смотрела в окно, ничего не видя. Странно, как в минуты отчаяния мозг, видать, включает защитную функцию и в голове гулко от пустоты, а мысли приходят... ну самые дурацкие, вообще никак не связанные с происходящим.

Мне думалось почему-то про Пон-Неф (Новый мост) в Париже, построенный в шестнадцатом веке. Мост старый, но новый – так странно, старый Новый мост. Как обновленный Жорж. А на самом деле тот же. Пора сжигать мосты. Зная методы нового старого Жоржа, не так-то просто будет устроить поджог. Тьфу, побег. И книги мои, и папину военную фуражку, которую маман передала морскому котику в подарок. Все придется оставить.

В Киеве произошел очередной update, низкие цены и подбострастие в обслуживании развеселили Жадного Жоржа. Его как подменили. Уставшие от выяснений и перелета, мы отправились в ресторанчик на Крещатике. И вот в «Харчевне Трех Пескарей» я заказала три корочки хлеба, а к ним жареных карасиков и вон того барашка. И всего за пять сольдо. «Король-солнце» весь светился щедростью и бодрым духом, лопотал, заискивал, пока я жевала свиную рульку.

- Дарлинг, ты какая-то странная.
- Нет.
- Между нами все хорошо?
- Да.
- Может быть, ты хочешь десерт?
- Нет.

Отличное актерское мастерство! Оскара ей, Оскара. В номинации «Мим». Права маман, я и на кружок детской самостоятельности не потяну. Вот и идея подвернулась.

– Я хочу съездить к маме. Навестить, рассказать про Францию. Ты наверняка соскучился по своим, и мама твоя собиралась устраивать family reunion.

Жадный Жорж замер. Блин! Хоть бы не притащился со мной к маме.

– Отличная идея, – наконец выдал он. (Тоже, так скажем, не Клуни. Бездарь!)

Вечером я собирала чемодан, раздумывая, со вздохом вытасила несколько платьев и запихала всего Фицджеральда. Жадный Жорж пристально наблюдал за моими приготовлениями. Я бросила жалостливый взгляд на фуражку. Придется тебя оставить, дурашка. Полетишь вместо меня в Америку. Не по Сеньке шапка. Жадный Жорж заерзал, издав нервный смешок:

– Ты же вернешься, Дарлинг? Ты же не приготовишь мне сюрприз? А то приеду, а ты тут с русским Иваном!

Я медленно подняла на него глаза. И ничего в ответ не сказала.

#

#

#

Тертый калач.

Сердце бьется – вот она, дверца дерматиновая, где находится потайная! Сломанный звонок, поскреблась тихонько «нашим» кодом. Мама открыла мне, и с лица ее медленно сползла улыбка.

– Яна! Это что такое?! Где вторая половина тебя?

– Мадам, же не манж па сис жур! А вторая половина улетела в Америку, — рассмеялась я вымученно. Мама уже обнимала, мяла меня в объятьях.

– Одни кости, – причитала она, – кости пришли в гости!

– Нет, – сказала я, – не в гости, я теперь здесь харчеваться буду. Это все!

– Как все? Он тут уже названивает полдня! Мы даже поговорили, лепечет что-то невразумительное, я так и поняла, что провинился, прохвост.

– Идем-идем, – погнала она меня на кухню, – я буду тебя откармливать. Голубцы, котлеты и компот.

На пятой котлете я спохватилась: а как же вы поговорили? Маман с гордостью достала листочек. (Мой идентификационный код, между прочим.) И, водрузив на нос очки, прочитала с обратной стороны надпись:

– Яна из нот хер!

У меня брызнул компот из носа.

– Что, – обиженно протянула она, – неправильно произношу?

– Нет-нет! Суть ты ухватила правильно: нЕ хер, Яна, нЕ хер в калашный ряд со славянским-то рыльцем, будем искать ровню. (Со мной больше не будет проблем, мама. За первого, кто посватается, пойду, богатый ли бедный, разбирать не стану.)

Харита Игнатьевна только вздохнула:

– Возьми калачик к чаю.

Я отщипнула кусочек и опустила в чашку, как в детстве.

- Не терт, не мят, не будет калач, – прожевывая, процитировала я.
- Ешь калачи да поменьше лепечи, – парировала мама.
- Сыр калача белее, а мать мачехи милее, – устроили дуэль две училки.

Когда-то день-деньской гоняла меня мама по пословицам и поговоркам, подготавливая к зачету по диалектологии. Надо будет обзвонить всех своих учеников: примут ли меня на работу, что им говорить? Как объяснять?

Пронзительный звук телефонного звонка прервал поток горемычных мыслей.

- Мам! А где же автоответчик?! – возмутилась я.

На День влюбленных Жадный Жорж подарил мне автоответчик, полезная вещь в хозяйстве, что и говорить. Как раз на такой случай, когда не собираешься отвечать.

- А я запуталась в нем, пиликает, мигает, вот и сняла. Мне-то от кого прятаться?
- Ну тогда сама отдувайся, скажи, что Яна не Хер, пока я разберусь в проводах.

«Защита от нежелательных людей, – говаривал Жадный Жорж, – родители отказались, не пропадать же добру». Не рой себе яму!

Он звонил не переставая три дня, наговаривал жалобы, возмущался, упрекал и взывал к моей совести. Я стойко выдерживала напор. На четвертый день он подключил свою маму, она, нежно воркуя, благодарила за фуражку.

Нехотя я открыла планшет, а там кучи непрочитанных писем. С фотографий улыбаются братья, сестры, дети. Морской котик отдает честь в папиной фуражке. Жадный Жорж пустил в ход тяжелую артиллерию: стариков и детей. Я его калачом, он мне в спину кирпичом. Нет, не прогнусь. Умерла так умерла. Сердце ныло, вот чего, зачем оно все равно ныло?

В полудреме поздно ночью я услышала его голос. Он наговаривал на автоответчик: «И я прошу тебя, прости. Только с тобой я чувствовал себя живым. Ты внесла краски в мою жизнь. Мне никто так не был дорог, ни семья, ни друзья. Я это только сейчас понял. Ты научила меня жить, радоваться. Когда ты рядом, я другой. Я лучше, я готов обнять весь мир, а сейчас, когда я не знаю, чем закончится эта операция, услышу ли я тебя когда-нибудь? Почему такие вещи осознаешь, только когда твоя жизнь дает сбой? Дашь ли ты мне еще один шанс?..»

ЧТО? КАКАЯ ОПЕРАЦИЯ?! Я схватила трубку: «Какая операция, ты где?»

Сбой. Гудки, гудки, гудки...

Глава 14. Emergency contact

Я куницей насканивала на малейшие вибрации автоответчика. Воображение рисовало картины одну страшней другой, все прошло ужасно, там не закрытый, там открытый перелом, он не хочет звонить. Нет, он не может. Он в реанимации совсем один. Мама бросала на меня полные сожаления взгляды. – Он же болен! – голосила я.

– Это ты нездорова, Яна, – качала сокрушенно головой маман.

Звонок!

– Дарлинг, – слабеньким голосочком пропищал Жадный Жорж, чувствовалось, каждое слово давалось с трудом. – Мистер Стивенсон... я не могу писать... письмо... rotator cuff... проверь почту.

Бредит! Заговаривается! Я схватила трубку:

– Что с тобой? Какой Стивенсон? Ты в наручниках? Они вращаются?! Где ты сейчас?

– О Дарлинг! – просиял он. – Я думал о тебе! Мистер Стивенсон отправил письмо, там проект, я порекомендовал тебя... (Три тяжелых стонов.)

Господи, до этого ли господину Калиостро?!

– Потом об этом! Скажи мне, что за операция? Почему ты в наручниках?

И он говорил, говорил. Как парализованный спазмом в плече упал совершенно одинокий в своей квартире. Как не мог дотянуться до телефона. Полз, преодолевая... Как долго думал, что никто не придет на помощь, как сковала боль и как было бы чудесно, если б «ты была рядом, Дарлинг, и вызвала скорую». Как его спросили, заполняя бумаги, кто у него emergency contact и...

– Человек не должен быть один! Да! И именно ты тот человек, который должен вызвать скорую. You are my emergency contact.

(Я кивала.) Сердце сжалось, так и представила его, беспомощного, один на один с дыркой в этом самом rotator cuff (разрыв вращательной манжеты плеча). Глаза набухли от слез, как же он, должно быть, перепугался! Мы проговорили час, чувствовалось, что он устал, говорил тихо и проникновенно. Маман, поджав губы, осторожно высвободила трубку из моих рук, положила на место и вышла из комнаты, бросив едва слышно: «Малохольная!»

Я все еще сидела в оцепенении, потом, встряхнувшись от мыслей, вскочила: мистер Стивенсон! Едва дыша, зашла в почту, среди кучи непрочитанных писем нашлось то самое. «Так, мол, и так. Дорогая мисс, – писал мистер Стивенсон, – у нас есть для Вас предложение, от которого Вы не сможете отказаться. Рекламная компания ищет молодые таланты и свежие идеи для разработки логотипов. И если это Вас заинтересует...»

Если?!

«Дорогой мистер Стивенсон! Я и есть тот самый молодой, но совершенно безрукий талант. Смею заверить Вас, я легкообучаема. Я все ловлю на лету. Идеи из меня так и брызжут. Я согласна на все проекты. Но пока что только в карандаше».

Отправив это абсолютно безумное письмо, я принялась ждать. Ответ не замедлил появиться. Мне прислали ссылки на три проекта: City trees, что-то по озеленению улиц, логотип для интернет-компании и конкурс на лучшее поздравление-открытку ко Дню влюбленных в стиле морской тематики.

Загоревшись, я судорожно перебирала в уме, кто бы мог поднатаскать меня в Photoshop и CorelDraw. Мой Лучший Друг, вот кто! Он работал в компьютерном дизайне много лет и подрабатывал в местном издании. Лучший Друг не подвел.

Каждый вечер мы корпели, склонившись головами, я делала наброски, Лучший Друг воплощал их на компьютерном экране, попутно объясняя алгоритм. Его красивые тонкие

пальцы порхали быстро и изящно по клавиатуре, когда я, закусив губу, пыхтела над каждой примитивной загогулиной. Я бесилась, топала ногами, бросала все!

Он спокойно переждал мои истерики:

– Ну что, продолжим?

Потом звонил Жадный Жорж, я уходила в другую комнату. Мы болтали, он, смеясь, описывал свои визиты к врачу, где ему разрабатывала плечо молоденькая веселая медсестра Дафна. Сетовал, что по квартире приходилось передвигаться на кресле на колесиках, вечно на все натываясь. Я ему хвасталась своей идеей для проекта City trees: деревья на небоскребах из металлических антенн и внизу зеленые живые для контраста. Я борюсь вместе с американскими гражданами за чистоту окружающей среды!

С пунцовыми щеками возвращалась к работе.

– Ну что, продолжим? – спрашивал Лучший Друг.

Следующий за тобой!

В спешке непременно стать лучшей и выиграть конкурс я довела себя до полного изнеможения. Дошло до того, что я уже не понимала простейшие команды и забывала ровно все, что было выучено пять минут назад. «Ты устала, – говорил Лучший Друг. – Пойдем погуляем, нужен перерыв».

Мы хрустели, натаптывая дорожки по февральскому снегу. Зима выдалась – не придерешься. Морозец обжигал щеки, снег переливался перламутром в свете фонарей, а небо было иссиня-черным, в яркой россыпи звезд-снежинок... Лучший Друг «читал» мне звездное полотно:

– Смотри, это два супергиганта, Ригель и Бетельгейзе, из созвездия Ориона, вон там!

Я силилась разглядеть гигантов и вертела головой. Он бережно направлял мое лицо в сторону светил. В носу щипало, я чихала, улыбалась и слушала вполуха. «Видный парень, – думала я, – но совсем не от мира сего, чудак. Столько лет его знаю, а до сих пор как белое пятно».

– А самая яркая звезда созвездия Тельца – Альдебаран. Вокруг него вращается компаньон, красный карлик. Он тусклый, поэтому его не видно невооруженным глазом...

– Апчи!

Из носа потекло.

Лучший Друг вытащил из кармана большой клетчатый платок и, не моргнув глазом, вытер мне нос.

– Какой баран? – от неожиданности брякнула я. Он засмеялся раскатисто.

– Альдебаран, по-арабски значит «следующий за тобой». Давай-ка зайдем попьем кофе. Что-то ты подмерзла.

Мы зашли в кофейню, от тепла я совсем осоловела, запах корицы и кардамона щекотал в носу. Я чихала и чихала. А Лучший Друг, не обращая внимания, подавал платок и продолжал.

– Тебе интересно? – спросил вдруг он.

– Да! – честно соврала я.

Мы заказали кофе и пирожные. Я потянулась за кошельком.

– У тебя, наверное, туго с деньгами, – пробормотала я.

– Яна, ну что ты! Позволь мне угостить тебя кофе и пирожными.

Я покраснела. «Позволь!»

Диалоги наши велись в стиле: «Неужели вы никогда не смотрите на Большую Медведицу?» – «Ах, я чрезвычайно занята вечерами!» – «Но что же у вас за жизнь, если она висит там уже больше сотни тысяч лет, а вы не смотрите?!»

Потом он отводил меня домой. Я садилась за проект и корпела сама, стараясь не накосячить и не уничтожить все сделанное под его руководством.

– Не слишком ли много вы проводите времени вместе, раз уж ты одной ногой почти замужем? – язвила маман.

– Что ты, мама! Я для него мадмуазель Ку-Ку. Мы вращаемся в параллельных галактиках, у него на уме одни кометы-планеты.

– Да ты и вправду ку-ку, раз ничего не замечаешь, – усмехалась она. Но я только отмывалась. Более неподходящей пары не придумаешь, я точно не его Мона. Скорее, тусклый карлик.

Через месяц пришло письмо от мистера Стивенсона, я выиграла приз за лучший логотип к проекту City trees! Взбудораженная бурлящей радостью, первым делом я позвонила Лучшему Другу:

– Я! Я... Ты! Мы... Выиграли! Теперь я угощаю! Пойдем отметим! Поделимся по-честному. Все-таки без тебя я бы никогда не справилась. А ведь еще два проекта осталось.

– Ну что, продолжим? – только и сказал Лучший Друг.
Звезданутый!

Глава 15. Собака на сене

По ком звонит колокол? По мне! Я несусь пулей, перемахивая через лестничные пролеты, задрав дубленку. Это «мой» замарашка надрывается. Эту трель на разрыв барабанной перепонки ни с чем не перепутаешь. Наспех распрощавшись с обескураженным Лучшим Другом в сенях: «Ну все, пока! Поздно уже, беги домой!» – я ввалилась заснеженным комом в квартиру и схватила трубку.

– Где ты болтаешься весь вечер? Сапоги хотьними. Наследила, – бурчала мамулик.

С размахом отметив мой успех (кофе с ужаснейшим горьким привкусом миндального амаретто), мы еле успели на последний трамвай, но по пути домой нас высадили в центре. По стране прокатилась череда веерных отключений электричества. Пришлось топтать через весь город. «Веер Леди Уиндермир». Так наш премьер-министр справлялась с кризисом в энергетике.

– Где ты болтаешься весь вечер? – обиженно спросил Жадный Жорж. – Я чуть Интерпол на ноги не поднял.

– Да мы отметили тут немножко, а потом вырубили свет, вот и...

– Кто это «мы»? – напрягся Жадный Жорж. – Ты не все деньги потратила, надеюсь?

– А, мальчик один, помогает мне с проектом. Очень толковый!

(И да! Потратила почти все деньги на подарки бабушке, маме, паркет подлатали.)

– Опять «последний русский»? Тот, в Ницце, предпоследний был? – съязвил Жадный Жорж. Я рассмеялась.

– Сам там поосторожней с Дафной, а то превращу ее в лавровое дерево. Кстати, какой удачный элемент был бы на логотипе! Вечнозеленый лавр!

В греческой мифологии нимфу Дафну преследовал влюбленный Аполлон, пока Зевс не превратил ее в лавровое дерево. Тогда Аполлон свил из любимой венки и с тех пор носит ее на голове. Оригинал!

Мы проговорили час, Жадный Жорж пожаловался, что Дафна взяла выходной, а вместо нее прислали огромного темнокожего медбрата и тот так намял бедняге бока, что смеяться больно: «А в принципе, не так уж и болит. Бумаги наши готовы, так что, Дарлинг, сюрприз! Увидимся через неделю. Я еду за тобой».

Второй проект был закончен и выслан. Ответа не приходило. Я приуныла, а Лучший Друг подбадривал, ничего, мы, мол, сделаем открытку в лучшем виде. Морская тематика никак не давалась. Я корпела над изгибом, выводя курсором идеальную линию бедер русалки. Линия увиливала, срывалась в сторону, создавая эффект непомерного рыбьего жира.

– Эй-эй-эй, эй-эй-эй, замечательный филей! – пробубнила я себе под нос.

– Что-что? Это откуда? – улыбнулся Лучший Друг.

– Тристан из «Собаки на сене». Не помнишь?

Я, кривляясь, исполнила с хрипотцой:

«Полюбилась мяснику блондинка,

Говорит: «Отличная грудинка!»

А потом сказал смелей:

«Замечательный филей!»»

– Стихи Лопе де Вега? – удивился Лучший Друг.

– Нет, конечно! Скорее, Джигарханяна. Да ну ее, эту рыбу, все равно не успеем, – я играла цветами заливки, – на следующей неделе я уезжаю. Смотри, ультрамарин хорошо идет с крабами.

– Грустные новости, – произнес Лучший Друг.

– Да ладно! – беспечно отозвалась я. – Чай не на Альдебаран улетаю.
– Грустные новости, – повторил он.
Мы неловко переглянулись. Мама позвала к столу. Финальная сцена.
Он: «Ни одна звезда не отклоняется от своего пути».
Я: «Я уезжаю в дальний путь, но сердце с вами остается».
Мама: «Яна, Яна. Собака на сене».

Невидимые шрамы

В белом венчике из роз...

С букетом! Он встречал меня на вокзале с букетом. Жадный Жорж, как школьник – с вытянутой рукой, а в ней букет, выискивал меня глазами на перроне. Меня затопила волна нежности. Счастливая, прижимая к себе нежные бутончики, я слушала в такси его сбивчивый лепет.

– Дарлинг! Я нашел нам чудесную квартиру. Я ее, пожалуй, куплю. Летом в Хьюстоне невыносимая жара, мы будем приезжать на лето в Киев. Она в центре, очень удобно. А какая сделка! Почти за бесценно, киевский тренер по футболу продает почти за копейки, так срочно ему нужны деньги.

Мне где-то кольнуло. Прощай, любимый Подол. Квартира оказалась студио, очень непри-
вычно. Огромная территория без стен. Тут тебе и кухня, тут тебе и спальня. Два в одном.
Жадный Жорж разливал шампанское в бокалы, я бережно подрезала кончики роз, засовывая по одной в вазу. Всю меня переполняло ожидание чуда.

– А как же твое плечо? – сказала я, дотрагиваясь осторожно. Он резко шарахнулся в сто-
рону.

– Ой, извини! До сих пор больно, да?

Жадный Жорж заерзал суетливо.

– Садись, давай сначала выпьем. Я хочу что-то тебе сказать. (Я улыбнулась, наверное, сейчас станет на колено и картинно сделает предложение, вот хитрец, любит сцены!)

– Я отозвал наши бумаги.

Я застыла с бокалом в ошарашенности, не в силах произнести ни слова.

– Да-да, не смотри на меня так, Дарлинг! У меня были причины.

– Какие? – сглотнув судорожно, прошелестела я.

– Дарлинг! Брак – это очень ответственно, очень! Я должен был все обдумать и принять правильное решение...

(Нет-нет, Сергей Сергеевич, вы мне слов не говорите. Я жена вам или не жена?!)

– Продолжай...

– Так вот, – заикаясь лопотал Жадный Жорж, – я решил обратиться к специалисту и пошел к couple therapist. И она сказала, что ты...

– Постой, куда ты пошел?! ОДИН? К семейному психологу? Без меня? Ты что, ей напел Карузо? – рассмеялась я, нащупывая нож.

– Да... то есть нет. То есть я записал нашу ссору, – выдохнул Жадный Жорж, – тогда, в такси. И дал ей прослушать.

Душно. Внезапно стало сухо во рту и душно. В такси... По дороге в аэропорт. Все еще не веря в происходящее:

– Ты записал мою истерику и свое молчание в такси?

– Да. И она сказала, что ты страдаешь комплексом defensive victim и принимаешь импульсивные решения, основанные на эмоциях.

Свил из любимой венки. Тебе лавровый, мне терновый. Внезапная догадка озарила меня!

– Покажи мне плечо!

– Дарлинг, послушай, уже то, что я здесь, и хочу все между нами наладить, и прощаю тебя за...

Я отдернула рукав рубашки. Идеально гладкое, как коленка. Шрама нет.

– Не было никакой операции? И я не выиграла никакой конкурс? И Дафна не брала выходной?.. – обреченно бормотала я, набирая давно забытый номер.

– Дарлинг! Дай же я тебе все объясню! То, что ты сейчас делаешь, – это как раз и есть импульсивное решение. Ты что, звонишь в полицию?!

– Здравствуй, – произнесла я в трубку, – я знаю, все это как снег на голову. Я дам тебе адрес. Поможешь?

– Да, – ответили на том конце провода.

Жалкий Жорж все еще приводил аргументы, размахивая больным плечом, увещевал: «Ты только переспи с этой мыслью, а завтра, если захочешь, уедешь!»

– Слушай меня внимательно, – ледяным тоном процедила я, – сейчас за мной приедут. Это русская мафия, если ты меня сейчас же не выпустишь, они взломают твою дорогую дверь!

Жадный Жорж попятился от меня бледный от неожиданности. Я взяла чемодан, вышла и закрыла за собой дверь.

– Фьюить! Ничего себе! Бессарабка! Ты точно решила отсюда съехать? – присвистнул Саша Умный, заводя мотор.

– Не надо, Саша...

И мы поехали на вокзал.

Дежавю. Стою перед дерматиновой дверцей опять. Нажимаю кнопку дверного звонка. Работает! Мелодия крокодила Гены. Мама открыла в изумлении дверь:

– Ой, гляди-ка, все? Сходила замуж?

– Не надо, мама...

Я опустилась на диван. Оглядела свою комнатенку. Выцветшие обои в цветочек, письменный стол, покрытый стеклом, тетрадки, конспекты... Мои глаза остановились на незнакомой книге. Я привстала. Лопе де Вега. Собрание сочинений. Рядом лежал большой клетчатый платок. На обороте книги было написано: «Потому что у тебя никогда его нет».

Жадный Жорж трезвонил не переставая. Я выдергивала шнур. Пережидала, включала. Он звонил опять, я брала и бросала трубку. Выключала, но трель не прекращалась.

– Доча, это в дверь. – Мама на цыпочках заглянула ко мне в комнату. Звонок ведь работал! Пока меня не было, Лучший Друг починил наш звонок.

Я открыла. Немой диалог: «Ни одна звезда не отклоняется от своего пути?» – «А я звезда, которая остановилась».

– Ну что, продолжим? – счастливо улыбаясь, сказал Лучший Друг.

P. S. Чтобы забыться и не думать, я часами возилась с фотографиями в Photoshop, рисовала, комбинировала, экспериментировала. Лучший Друг заходил после работы и подправлял. Не спрашивал ни о чем, не напоминал. Но прошлое не отпускало. Раздался очередной звонок. Мы оба замерли. Я механически продолжала выводить линии.

Сработал автоответчик:

«Яна, Яна, Яна, Яна, Яна, Яна, Яна, Яна...» – и так до бесконечности жалкий Жорж произносило только лишь мое имя. Все внутри взорвалось!

Я вскочила, сжимая кулаки:

– Господи! Да сделай же что-нибудь, иначе я опять возьму трубку и погрязну в выяснениях этой невыносимой пытки!

И тут вырубил свет. Не знаю, Он ли вмешался или это наша Юлия Владимировна, но весь район погрузился в темноту.

– У тебя свечи есть? – спросил впотьмах Лучший Друг.

– Свечи есть где-то, а вот спички закончились.

– Поищи свечи, а я сгоняю на базарчик. За спичками.

– Иди, Ихалайнен, – засмеялась я.

Я нашла свечу, провела рукой под старенькой плитой и выгребла пару спичек. Двери были открыты настежь, я пошла на шум шагов, освещая себе путь маленьким огарком, как индеец Джо. Лучший Друг стоял в дверях с огромным букетом роз.

– Что это?! А спички? – оторопело спросила я.

– Люблю, – просто ответил он.

Любишь...

Ян Сусанина. Приключения переводчицы

Глава 1.

Янки, гоу хоум!

Нулевые. Жизнь с нуля. Сижу и пялюсь в чистый лист. Нацарапала черту на бумажке. Как Робинзон Крузо: слева – «худо», справа – «хорошо». (Чем не карта желаний из восемнадцатого века?) Худо: я потерпела крушение. Хорошо: но не опустилась на дно! Худо то, что после Французской Ривьеры в потрепанную подсобку училки зарубежки как-то не тянет.

Тем более провожали меня всем гестапо. Как Колю – перекасти поле. Как теперь разрушить миф, что одна девочка поехала в Москву и таки поступила? Лучше я останусь легендой. Пусть в трепетных сердцах «англичанок» живет надежда на заграничного принца, луч света в темном царстве.

Промозглое полуподвальное помещение, километровая очередь в бухгалтерию. Самым обласканным членом педколлектива была секретарша Ларочка, заваленная шоколадками, ибо одна она знала, где находится потайная и когда будут выдавать зарплату. И наша обнищавшая кафедра зарубежной литературы как штык в первых рядах, но свирепые физкультурники идут по головам, чтобы забрать вторую половину за февраль в марте. И всем не хватит.

Вспоминаю, как, отбивая ногой заячью дробь под столом, подавала заявление об уходе. Завуч с глазами Каа, не мигая, взяла мою дрожащую холодную руку:

– У тебя низкое давление. Кровь почти не циркулирует, – наконец произнесла она. Дон Корлеоне, блин, да у меня вообще кровь застыла! – Правильно, что уходишь. Тебе здесь не место.

– Я люблю свою... – работу, хотела сказать я. Но почему-то пропищала: – Родину.

– Вот и люби. Только подальше отсюда. Ты другая.

На полусогнутых выходила я из ее кабинета под завистливые взгляды своих несчастных, затравленных коллег.

Для этого ли я выдавливала в себе раба? Пораскинув умишком, я решила: могу снег убирать, могу кирпичи класть, могу переводчиком – английский-то я знаю! Все-таки Жадный Жорж многому меня научил. Стал моим жизненным университетом.

Во-первых, привил иммунитет против американской мечты: да чтоб я, да в Америку, да в стольный град жаркий Хьюстон! Да ни в жисть ногой!

Во-вторых, я свободно оперировала американским сленгом self-made person, marriage material, win-win situation, above head and shoulders, cozy home-yummy food. Что давало мне преимущество перед сотней-другой переводчиков с классическим британским акцентом и безупречной грамматикой.

Лучший Друг, готовясь к ответственной роли мужа, до дрожи в коленках напуганный моими гламурными путешествиями, ушел из редакции и устроился торговать чем-то к богатому иностранцу. На первые барыши исполнил свою мечту, и вскоре в мою уютную спальню переехал огромный телескоп. Лучшая подруга, заглянув однажды на кофе, смекнула, что к чему, и надулась:

– Я просила тебя влюбить его в себя и бросить, чтобы отомстить за меня! А ты?!

– Не волнуйся, – заверила я Надьку, – все по плану. Так легко не отделается! Я придумала более изощренную месть: выйду замуж и испорчу ему всю жизнь. Все ради тебя, между прочим.

Эх, нет труднее работы, чем искать работу!

Я перебивалась случайными переводами, писала рефераты ленивым американским студентам на сайте job.4.writers, занималась с соседским сыном а-ля дубовый тэйбл, но все изменилось, когда торжествующая маман принесла мне газету с объявлением:

«Симпатичный американец с честными намерениями набирает штат в фирму. Требования: fluent English и знание Photoshop. Интим не предлагать!»

Ну вот, упираемся лбом в искомое: опять заграничный прЫнц. Фатум!

– Учти! Я пойду с тобой на собеседование, – нервно заявил Лучший Друг. Не доверяет. Так в моей жизни появился Брэн.

Брэн

На всякий случай, если серфингисты читают. (Читают меня, разумеется.) Вы клевые ребята! И мой вам совет: ловите волну, обучайте этому скучающих туристов, можно даже открыть магазинчик по продаже досок и финов (не финнов!), в общем, занимайтесь национальной забавой гавайцев – купанием в прибое, как описывал серфингистов еще в девятнадцатом веке Марк Твен.

Какой волной прибило пофигиста из Флориды с обветренным, как наждачная бумага, лицом доктора Хауса к берегам провинциального города Н., да еще и угораздило приобрести брачную контору «Стрелы Купидона» – сие нам неведомо. Меня взяли не раздумывая. После десятиминутного разговора, где я сыпала заготовленными шутками-прибаутками, Брэн-дон оживился, узнав, что я и в Photoshop «крестиком» умею. Значит, можно сэкономить на еще одной балде.

Потянулись рабочие будни. Я рьяно взялась за работу и стала его ручной Пятницей, однако бизнес все равно шел вяло. Я принимала девочек, анкеты и фотографии, вводила в базу данных и часами удаляла блики и бородавки в Photoshop. Брэн, частенько в сквернейшем настроении, часами пялился либо на проклятых конкурентов, чьи преуспевающие агентства изобиловали гламурными красотками, либо ловил волну, с тоской разглядывая прибой в Мексике и на Гавайях. В нем напрочь отсутствовала предпринимательская жилка, у меня тоже не было опыта торговли людьми.

Кроме того, у нас были абсолютно разные взгляды на ведение бизнеса.

– Зачем ты принимаешь всех подряд? Нам нужны только красивые, не старше двадцати пяти!

– Ну что ты, Брэн, – спорила я, – не всем нужны барби, набитые опилками. Что они будут с такими делать? Понесут в гнездо новую игрушку детям ее же возраста?

– Именно это им и нужно. Ты совсем не знаешь мужчин.

– Встречаться с моделью престижно, но в итоге ты выбираешь женщину, которая может тебя рассмешить, – процитировала я мистера Бига из популярного в то время сериала «Секс в большом городе».

– Если бы ты хоть чуть-чуть знала американских мужчин (на этих словах я вздрогнула), ты бы знала, что ВСЕ они терпеть не могут этот сериал про чертовых феминисток!

– Абсолютно все? – уточнила я.

– AbsoF****nglutely! – рассмеялся цитатой мистера Бига Брэн.

(Ясно. Скрипач не нужен – никаких хэви легс.)

– Нам нужно каким-то образом стянуть профайлы этих мисс-ноги-от-ушей. Перевербовать, – заговорщицки подмигивал Брэн.

– Да, но это же мертвые души! – возмущалась я.

– Мертвые души, которые будут приносить нам живые деньги, – ухмылялся Чичиков.

– Но они же совершенно не marriage material! – упорствовала я.

– Ты с ума сошла?! Ты уж не женись ли тут вздумала ненароком?! – выпучил глаза доктор Хаус.

– Ну да... разве мы не стрелы Купидона? Разве мы не узы Гименея? Не Амур и Психея? Не...

– Нет, милочка, мы с тобой – Эндрю Джексон и Бенджамин Франклин. Каждое свидание стоит двадцатку. Пять Джексонов – один Франклин. У тебя перед глазами не стрелы должны мелькать, а циферки! Это и твои чаевые, между прочим!

Эх, думала я, ежась от холода (помещение едва обогревалось, Брэн сэкономил на электричестве, обогреватель работал на минимуме, я перестала стесняться и натягивала вязаные носки по колено), не умею я удавов в попугаях высчитывать. Мне нужна благородная цель.

Однажды придя в офис, я застала Брэндона взбудораженным и ликующим, он в нетерпении потирал ручки:

– К нам едет клиент! Потенциальный спонсор! Его зовут Ли. Он хочет вложить деньги в агентство, так что постарайся его очаровать. Да! Иними эти рейтузы, надень что-нибудь красивое завтра.

– Вот еще! – фыркнула я.

К нам едет ЛиВизор!

Глава 2. Ла-ла ли!

Битый час мучаю сапог – никак на толстый носок не налазит. Теплое вязаное платье в пол. Мое любимое, цвета стали и горло закрыто.

– Помоги, а?

– Ты куда это так нарядилась? – недовольным тоном спрашивает Лучший Друг.

– На китайские церемонии еду, очаровывать Брюса Ли, – рассмеялась я, – а даст ЛИ? А вряд ЛИ. Но по крайней мере у меня еще будет работа на пару месяцев.

Лучший Друг даже не улыбнулся.

– Не нравится мне твоя работа, – поджал губы он.

– Работа как работа. Ничем не хуже других. Ты ж тоже работаешь на китайцев.

– Только не эскортом, – донеслось мне вслед.

– Не накручивай себя, пожалуйста, – сказала я в дверях. Но холодок пробежал по спине.

Сможет ли он когда-нибудь мне доверять? Забудет Ли? Поверит Ли? Потянет Ли?

Пока я открывала офис своим ключом, в голове зудела песенка «Ты служишь украшением стола... ла-ла...». Тьфу ты! Сосредоточься, Яна, не ла-ла, а Ли!

Несчастный Киану Ривз сидел за столом, обхватив голову руками, в извечной позе страдальца, уставившись на экран с морским закатом. Опять у нашего барина ипохондрия сделалась. Ипохондрия, она завсегда на закате делается. От жизнерадостной прыгучести не осталось и следа.

Нет, я еще не встречала таких moody person, по-русски и не скажешь прилично. Муди. Может, от него пошло «мудак»? В Америке каждый второй сидит на колесах, здесь это называется красивым словом «биполярность». (В старину мы бы сказали «дурной характер» и лечится розгами.) «Почему развелись? Ой, да он такой биполярный!»

– Брэн, нам пора! На вокзал... – Прямо неловко вырывать его из нирваны. Он, не отрываясь, произнес:

– Ты никогда не поймешь, какой это кайф. Серфинг – это абстрагирование от реальности. Мне нужна вода, мне негде черпать энергию...

«Может, записать этого ихтиандра в бассейн „Маяк“?» – мелькнуло у меня в голове. Но вместо этого я предложила:

– А может, тебе стоит начать рисовать? Слышал про сублимацию?

Человек-амфибия глянул на меня как на полоумную.

– Есть даже такое направление в искусстве – серф-арт. Ну, художники маринисты, слышал? Айвазовский, там... Морская живопись.

– Слушай, а можно без зауми, а? Тебя тронь только, и сыплются разные «интересные факты», метафоры и гиперболы! – запальчиво перебил меня серфингист.

– Ладно, без зауми. Джей Алдерс, из ваших, кстати. Он сам серфингист и всю страсть вылил на полотна. Как ты и сказал – абстрагирование. В моменты, когда он не мог оседлать волну, он ее рисовал. И даже продавал потом. Сколотил состояние.

На этих словах Брэн оживился:

– Скорее всего, к этому и идет. Учись рисовать купюры. Ли не собирается давать мне в долг. Он едет сюда за женой.

«Шеф, все пропало!» – горестно вздохнул великий комбинатор.

– Ну ничего, – робко потрепала я его за плечо, – с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Брэн вопросительно поднял глаза. Ты опять?

ИДИОМА!

Psycho и Psyche!

Мы еле успели на вокзал, так залипли, разглядывая огромные диковинные фигуры на фоне мощного океана (я не преминула похвастаться и своей корявой русалкой). В некотором роде я тоже маринист-самоучка. Каково же было мое удивление, когда вместо ожидаемого мелкокалиберного ниндзя-черепашки на нас вывалился из вагона двухметровый исполин, косая сажень в плечах, густой загар, в аккурат сошедший с полотен Алдерса!

Громогласный хохотун голосом капитана Смоллетта закомандовал нами «Ать-два, ать-два!», всунув каждому по чемодану. И мы замаршировали за гренадером, переругиваясь вполголоса по пути: за конфеты и за астры не хотел платить пиастры. Чем же они набиты? Надеюсь, твердой валютой! Усатый таксист не спешил на помощь, взгляд его красноречиво говорил: я тут носильщиком не нанимался!

– Так ты и есть та самая тупенькая романистка psycho? – кивнул на меня Ли, галантно открывая мне дверцу такси.

– Кто?! Чего это?! А сам-то... – возмущению моему не было предела.

– Потом, потом, – торопливо сказал Брэн, запихивая меня в такси.

Оказалось, он имел в виду Psyche! «Ты ж сама говорила, мол, Психея и Посейдон, или как там», – примирительно захихикал Брэн. Одна гласная, а какая разница!

Фух, отлегло. Амур! И глазами так!

– А знали ли вы, что Психея, согласно древней легенде, была единственная земная женщина, которая стала женой бога? – начала назидательно я.

– Ты же говорил, она забавная?! – недоверчиво покосился колосс на серфингиста.

– Ты можешь разговаривать по-человечески? Без лекций?! – рявкнул на меня Брэн.

Я обиженно замолчала. Все трое, как нахохлившиеся воробьи, мы ехали в тишине. У таксиста топорщились усы, он кидал на меня косые взгляды. Явно желая принять участие в диалоге.

– А эти... жентельмены... по-нашенски совсем не кумекают?

– Совсем, – сказала я грустно, – а Психея переводится как «душа», впрочем, кому нынче нужны разговоры о душе. Деньги-деньги-дребеденьги!

Мы подъехали к офису. Ох и Ах потащили багаж в офис, Ох жаловался на дороговизну, Ах восхищался местными красотами, а я достала деньги – расплатиться с водилой.

– Так шо ж там с той Психеей?

– А, – обрадовалась я, найдя новые уши, – Психея сумела выйти замуж за Эроса, несмотря на то, что мать его, Афродита, чинила всяческие препятствия.

– Дэк понятное ж дело – СВЕКРУХА! – философски резюмировал таксист.

Я дала ему сверху десять гривен чаевых. Усы его растянулись в довольной улыбке.

– Это вам за то, что вы так тонко чувствуете греческую мифологию!

– Н-да, – скептически окинул нашу каморку верзила, – бедненько. – И плюхнулся на предмет нашей с Брэном гордости, зелененький кожаный диванчик. (Брэн сэкономил на квартирной плате и жил в офисе прямо на этом диванчике.) Я сама выбирала обивку.

– Все брЭнно в этом мире. Купи себе диван, и, даже если что-то пойдет не так, по крайней мере ты решил вопрос с диваном!

– Гы-гы-гы, – загоготал колосс, а я решила не ссылаться на Чака Поланика. Раз господа расстраиваются.

– Дорогой Ли, – торжественно начала я, – мы поможем тебе с превеликим удовольствием! Есть у меня шикарная кандидатура, Свете чуть за тридцать, она тренер по фитнесу и детский врач, а что может быть лучше, чем врач в семье?

Брэн подошел ко мне и захлопнул лэптоп.

Что может быть лучше? Девочка с кукольной внешностью Дженнифер Энистон, а кто не был влюблен в Рейчел из «Друзей»? Если уж сам Бред Питт! Ли можно понять. Он тоже купился. Да, его lovecap было чуть за двадцать, и служила она Мельпомене в местном театре. Очаровательна, что тут скажешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.